

18+

Светлана Нина

Дымчатое солнце

Светлана Нина

Дымчатое солнце

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Нина С.

Дымчатое солнце / С. Нина — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Он — бедный, но способный московский студент, отчаянно ищущий взаимности у возлюбленной, с которой они будто пляшут в вечной схватке. Она — несчастливая жена высокопоставленного чиновника, вынужденная пройти через подпольный аборт из-за нежелания мужа иметь детей. Их жизни разрубит Вторая мировая война. Он будет выживать на фронте, куда пойдет добровольцем. А она искать искупления в блокадном Ленинграде. Через смрад побоищ оба будут грезить о возвращении домой, друг к другу.

© Нина С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

1	6
2	7
3	10
4	13
5	17
6	19
7	21
8	24
9	26
10	28
11	32
12	35
13	37
14	39
15	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Когда больна душа, ум вряд ли останется незатронутым.
Эмиль Мишель Чоран

1

Этот дом, укутанный, упрятанный под балдахином зелени, словно заметавшей его россыпью кружев...

Дом, примятый свежестью и туманом, гроздьями листьев чайного цвета, чешуйками застрявших на его черепичной крыше.

Здесь жила, существовала она, и этого было достаточно. Выполняла свои бесцельные и в то же время наполненные глубоким подспудным смыслом, ритуальной мистификацией занятия. Да, он как мальчишка, одержимый и глупый, словно в приключенческих повестях, что были так популярны в те времена, просто любил наблюдать за течением удушающе спокойной жизни этого дома, потому что тот был частью ее жизни. Как девушки умудряются создавать вокруг себя целый неведомый, манящий мир, атмосферу! Существа высшего сословия... Как это трогало. Трогало глубоко, ведь не было обыкновенным восхищением, а носило характер уже смысла существования, лучшего, что с ним случалось в его голодной жизни. Даже в то время, упрощенное впоследствии до приключенческой литературы и дутой агитации, мысли эти бродили и вырывались, разливаясь. Почти стерто, замолчано было все, что касалось интеллектуальности, и не понять было, как глубоко умели мыслить жители тех грозных времен.

Владимир пригнулся и сквозь белые стены попытался различить движение штор вглубь раскрытых летнему вечеру рам. Тюль рассеивала силуэты в окне. Сад пьянил. На втором этаже сквозь окно в дом, словно затуманенное, преломленное холодной мглой и росой, виднелась как через призму льда ваза. Цвета цветов рассеивались в бьющем исподволь свете. Изнутри комнаты пронзительно-нежно окрашивались талым светом, заполнялись сладким запахом зарождающегося цветения. Ночная бабочка билась о тишь.

Неповторимый, лучший на свете запах травы ранним вечером. Впитывающиеся в ступни пересохшие травинки, вечно мешающие жуки. И печать золотой пыли на всем без оглядки... Ковер прелых трав опутывал, сплетался. Атмосфера безоблачной ночи 1940 года внушала блаженство. Теплый чахлый ветер, чистая вода из колодца... С соседскими ребятами ночи напролет можно бегать по полям, ютиться в холодеющем предрассветной судорогой лесу, хрустеть его оброненными ветками в ночи и что есть мочи орать, услышав чужеродный звук и решив с перепугу, окутанный таинственной болью и властью леса, что это леший. Все они, воспитанные в идеологии научного атеизма, понимали, что это предрассудки, но все же... Была в этом своеобразная экзотика.

2

Юрий Скловский подъезжал к даче отца на его служебном ЗИСе. Блестящий тщательно отполированный автомобиль уверенно мчался по скверным сельским дорогам, минуя особенно выдающиеся колдобины. Сердце Юры, почти постоянно находящееся в нервном напряжении, сегодня отчего-то вздрагивало и щемилось.

Подернутое пеленой солнце, освещавшее вишни, выстреливающие вверх бело – зеленым салютом, сдалось напору новорожденного хамского своим блеском лета. Солнце раскрашивало, обдавало цветом листья. Сырой от июньской свежести вечер предшествовал дождю. Ночью штормило, шквалило, упояло мокротой и стихией, данной ей свободой, сущностью, обнадеживающим, освобождающим громом. Утонченная гладь воды сминалась под накрапывающим дождем. Бег струй дождевых капель мазал стекла после оступившегося дня. Моросящие краски, моросящее солнце, выхваченные солнцем дождливые капли уже под успокаивающееся утро предрешили рассвет. Позолота холоднокровного рассвета, зеленый янтарь, характерный, скорее, для начала осени, встречал безмятежных дачников, вольготно разлегшихся в креслах или пропадающих на пруду, прыгая в воду с тарзанки. Летний день лился, бился об утоптанную каменистую дорогу. Листья вылетали из-под колес золотой пылью.

Она стояла возле самого крыльца, входа, ведущего на небольшую прекрасно обставленную окноглазую дачу, лупящуюся на улицу. Обеспеченные граждане в эпоху, когда почти все недоедали, возводили летние чертоги ради развлечения. Приятное со всех сторон строение обладало ровно той атмосферой законченности и отсутствия волнений, которая отличала большинство построек тех времен не с целью коммунального расселения. Не сдавливающая атмосферность, дыхание свободы, чистоты и минимума мебели в каждом углу.

Деревяннo-каменное строение, множество окон, света, балконов. По желанию хозяйки ставни уже были настежь отворены, и помощница по дому активно драила подоконники и крепкие слитые рамы. Она вспенилась, по непомерно круглому лицу в рытвинах стабильно скатывались капли влаги, задевая и приводя в беспорядок брови и наметившиеся усы. Хранительница же очага, стройная и очень прямая в своих туфельках на невысоком каблуке, безмятежно и как-то устойчиво-утверждающе царила у входа в свои владения.

Элегантность – умение из хаоса гардероба вырвать и удачно перемешать части женского туалета, чтобы в целом это смотрелось недурно, поражала Юрия. Казалось, что только тот утонченно-загадочный женский мир шпилек, каблучков и подкладок под костюмы способен в полной мере создать нечто подобное, а остальные женщины, выглядящие дрябло-неряшливо, не имеют права в полной мере называться этим загадочным словом или, что более вероятно, рассчитывать на внимание лучших мужчин. К которым Юрий, понятное дело, причислял и себя. Неосознанно, без зазнайства.

Колючий участившийся через приотворенные окна в сад запах пионов, протяжный, неистовый, волнующий, ударил Юрия своим невообразимым совершенством и неожиданно-стью. Обращенные солнцем запутанные тени деревьев сквозили где-то под ногами.

Его мачеха... Легка, очаровательна, искриста, игрива. Задумчива, протяжна, прекрасна.

Отполированный автомобиль, освобожденный от давления густой листвы сверху, покрывался солнцем. Пассажиру показалось, что вновь начался дождь, но продолговатые его лучи оказались солнечными бликами. Пожирающие тишину звуки приближением машины раздробились в каменную пыль. Голодные лучи, бесцветный свет падали на все, что ощупывал глаз. К его коже, проходя через пену облаков, ластился будто аромат солнца. Облако песка привело в движение узкую юбку молодой женщины, дожидавшейся гостя. Женя улыбнулась, приподняв губу и показывая блестящие бледные десны. Она умела подавать, нести, преподносить себя, вновь решил Юрий. Другая могла быть одета и убрана так же... И не производила бы такого

впечатления. Почему порой некоторые люди так притягательны, даже не в плане романтического начала, а просто... какой-то своей харизмой? Когда он был вдали от Жени, то не думал о ней, но, стоило им приблизиться друг к другу, она начинала иметь какое-то повышенное значение, Юрий пытался прислушиваться к ее словам и украдкой разглядывал.

Когда-то, два года назад, их охватила сдержанная по советским требованиям первая детская влюбленность, какая-то интеллигентная, пронизанная нежностью и отмирающими строками опальных поэтов. Но он ушел – попытки доказать правоту отцу сделали свое дело. Вместо женитьбы и рутинной жизни под крылышком семьи, никому не противореча, Юрий пошел учиться и пытаться вникнуть в суть вещей до такой степени, чтобы опровергнуть взгляды Скловского, ненавистно-прекрасного отца. Юрий был глубоко уверен, что Евгения дождется и тем самым обесценится, поэтому мог упиться своими безумными идеями, почувствовать себя настоящим человеком. Хотя ему было стыдно, жаль оставлять ее, такую мягкую и безоговорочно ему верящую. Сколько раз младший Скловский пытался быть добрее, но что-то в нем неизменно мешало. Женья была превосходным человеком, уже в семнадцать лет Юра чувствовал это, но даже ее несомненная красота вкупе с редкой добротой и покладистостью перестали затмевать весь окружающий мир именно, быть может, потому, что преподносились ему безо всякого краеугольного камня.

Но она не дождалась. Укололо где-то в подреберье и тут же сжалось. Глупости какие... Ну и пусть, так даже лучше. В сущности, он был не так уж обескуражен этим обстоятельством – в столице жизнь бурлила, и тоненькая девушка с задумчивыми глазами перестала представлять для него ценность, как в десятом классе, когда они по обоюдному притяжению улыбались друг другу между уроками, отчаянно кричащими о победе мирового пролетариата и гниению остального мира. Женья верила в это, не так фанатично-отчаянно, как многие в те времена, а по-своему, тихо и преданно. Попросту потому, что не в силах была расширить угол собственного мировоззрения, не столкнулась с человеком или идеей, способными сделать первый шаг в этом направлении. Юрий же всегда сомневался, видя лицемерие отца. Двойственность сложившейся ситуации так терзала его, что постепенное разоблачение идеалов или, по крайней мере, нахождение для себя какой-то общей непререкаемой пропорции стали самоцелью. Он до конца не понимал еще, что именно так не нравится ему, борясь с симптомами, а не с болезнью.

В школе Женья была хохотушкой, легкой и часто жестокой, показно-жестокой. С первого взгляда большинству казалось, что она обладает легким компанейским характером. А он был перевертышем обыкновенной самозащиты. Но Юрий, застигнутый врасплох их общей юношеской любовью, знал, что эта девушка стоит больше, что она вдумчива и прекрасна в собственной поэтичности, какой-то ненавязчивой и мимолетней. Но быть вдумчивой и прекрасной так бесконечно мало... Особенно если кругом столько людей, кричащих, досаждающих людей, которые словно обесценивают и себя и остальных своим объемом и оголтелостью.

День обещал быть ослепительным, и на этом краю земли что есть мочи хотелось отгородиться от грязи города и политики, подернутых гнилью надежд и подступающего страха перед разочарованием главными целями жизни. Все это меркло по сравнению с открывающимися, как серое небо, переходящее в безмерно – голубое, надеждами и упованиями.

Женья создала из него кумира своим безмерным жизнелюбием и доверчивостью, Юрий понимал это, но не сделал ничего, чтобы освободить ее. Впрочем, судя по всему, ей и не нужно его освобождение, она образовалась сама. И он чувствовал себя мерзавцем, размышляя так. Как всегда, впрочем, у него нашлось, за что осудить себя. Тут же Юра вспомнил, что подобные субъекты в мировой литературе часто оказывались принципиальными мерзавцами, и испытал еще более скребущие ощущения. «Мерзость принципов, – усмехнулся он, – оксюморон, и все же...»

Далее произошел диалог в стиле «приветствие, сбитые вопросы о жизни, когда каждый думает совсем не от том, о чем говорит, глубокомысленные пронизанные болью взгляды, общая

недоговоренность и сожаления о содеянном, неловкость и желание поскорее прекратить, а еще терзания и самокопания».

И они не нашли ничего лучше, как пройти в дом.

3

Отец Юры и Женя поженились совсем недавно – уверенный во всех отношениях состоявшийся господин будто бы даже подозрительно старого образца и юная не по возрасту грациозная девушка. Какая банальная пошлость! И все же было интересно наблюдать за ними.

В женихах Виктор Скловский проходил недолго. Выглядел беспринципным, целиком окунутым в собственные недозволенные простым смертным брожения. Он пугал и отчасти притягивал Женю. Не шло его респектабельности блять глупости о любви и всеми правдами и неправдами пролезать в дом к родителям обожаемого объекта в потертых штанишках и характерном козырьке. Первая любовь сына не производила на Виктора Васильевича особенного впечатления, он мог воспринимать ее лишь как своеобразный лакомый кусочек, с которым лучше связываться лишь в потаенном уголке сознания, предназначенном для самых грязных мыслей. Едва ли хоть один человек в жизни не думал скабрёзности, не придавая им значения, не расстраиваясь от их наличия и не собираясь воплощать в реальность. Скловский, по-своему жалея Женю, проникся убеждением, что должен загладить бестактность своего глупого сына. А так же поддался сладостной недозволенности свершаемого, этот молодой мужчина во цвете собственного статуса. Иначе зачем вообще добиваться карьерных высот, если не волочиться за привлекательными женщинами? Когда же сын его отчалил постигать науки, выразив желание самостоятельно обитать в общежитии, Виктор фыркнул, почти дословно убедив отпрыска, что подобное ему ничтожество ни на что, кроме как доказывать кому-то что-то, не способно.

– Василий, – издевательски заметил старший Скловский, заострив на сыне едкий взгляд без тени улыбки, озвучиваясь в окружающее пространство весьма низким недовольным голосом, – надо ли слону убеждать остальных, что он слон?

По непонятной и, конечно, не лишенной иронии привычке он не звал сына по имени. Юрий вышел из кабинета отца красным в тот вечер. Но решения своего не поменял. Как партийный деятель, с начала тридцатых Скловский получал иностранную периодику. Ничем не стесненный Юрий почитывал то, что лежало на столе в кабинете отца, и как губка впитывал тамошние настроения, забыв, что Виктор Васильевич и ему подобные получали западные издания именно чтобы пресечь и высмеять их влияния. Юрий избрал другой путь, потому что лаской и покладистостью отца было не пронять, это опробовалось уже в детстве. Он вспоминал, что Скловский пытался интересоваться жизнью сына, когда тому минуло лет двенадцать, и какое-то время даже был ему неплохим другом, но когда Юрий начал высказывать отцу свое мнение о виденном, тот быстро охладел к своему новому приятелю, потому что мнение это слишком разительно отличалось от приятного Виктору Васильевичу.

Расставшись с любовницей-балериной, доконавшей его своими капризами и запросами, Виктор решил, что свеженькая нимфа (он не поэтизировал ее, как сын, а видел лишь неплохой биологический материал, и по-хозяйски сокрушался, что дураку девка достанется. Почему же не подобрать ее самому?) неплохо раскрасит его дни, не будет слишком требовательна... Завидное разнообразие. Так тихо и вдумчиво решение было принято.

Женя обожала мужа, особенно в моменты, когда они были на людях, в гостях, в театре или на собрании. Бывало, его организм будто трясся от желчной уверенности в собственной правоте. Виктор сиживал за тускло освещенным ресторанным столом в смраде выплевываемого друг на друга сигаретного дыма между блюдами с мясом и слипшейся икрой и излагал свои твердые непререкаемые умозаключения. Ощущение шика и порока мешалось с удовольствием от принадлежности к высшим кругам. А за дверьми красные и масляные от пота судомойки с безразличием отупевшего от усталости человека терли блестящие белые тарелки. Собственно, они и до революции занимались тем же самым. В темноте загадочно мерцали Женины глаза, волосы и ухоженные ногти, и Виктор с глубокой тяжестью, которую вкладывал во все

свои проявления, улыбался ей. А она в самозабвении смотрела на его могучий торс, поросший курчавыми кое-где поседевшими волосами, которые порой царапали бессовестно нежную кожу ее груди.

Женя была замужем каких-то пару месяцев, и первичная к Виктору Васильевичу настороженность, некоторая боязнь, сконфуженность от собственной незначительности, робость и чувство гадливости оттого, что так сильно была влюблена в его сына и так глупо его ждала, уступали место ослепленности и полнейшему сладостно-православному подчинению. Удивление, что она вообще оказалась замужем, улетучивалось. Все произошло скоро и скомкано, она даже не успела одуматься, когда мать, воя от восторга, собирала ее в ЗАГС.

По вечерам в спальне она всегда оказывалась в полном подчинении, не смея, да и не желая даже издать жалобу или предложение. Пока он с остервенением, а подчас и просто грубо совершал свой обряд превосходства над ней, Женя испытывала чувство, похожее на растворение в солнце.

В семье их царила идиллия.

Удовольствие от физического утверждения любви Евгения Скловская получала мало, да и, даже получая, обращала на него немного внимания, целиком сосредотачиваясь на чувстве благодарного служения, которое бывает у очень добрых женщин, удачно вышедших замуж. Моральное удовлетворение оттого, что он, насытившись и замерев над ней, доволен, было нестерпимо сладостно. Засыпая на твердой лапеше мужа и чувствуя острый запах самца, источаемый его железами, Женя в блаженной усталости касалась губами его шершавых запястий.

В их первую ночь в качестве супругов Виктор явно раздражился затянувшимся праздником и присутствием гостей, не собирающихся убираться. Он спокойно, но безапелляционно распрощался с ними, поблагодарив за присутствие и пожелав всех благ – партийный начальник был безупречно, удушающе вежлив. Затем, крепко обняв свою безмятежно улыбающуюся жену за талию, резко поднял ее на руки, и, чувствуя ладонями шебаршение легкой скользящей ткани ее скромного белого одеяния и исходящее от Жени тепло, которым она просто светилась, понес на постель, услужливо расстеленную домработницей. Он не спешил, не покрывал ее тело опережающими комичными поцелуями, как неопытный мальчик, уже не способный сдержаться себя, все делал выверено и точно. Невольно перед ним восстал смутный образ первой жены, не заморенной еще тощей женщины с потухшим взглядом над темными тенями, а той, какой она была, когда происходило то же, что теперь. Тогда сам он был не слишком опытен, торопился, причинял ей боль, злился, чувствовал себя ничтожным... С тех пор Виктор так изменился, что недоумевал, когда вспоминал о себе юном, считал того мальчишку другим человеком. Теперь-то уж никто и ничто не способно было убедить его, что он неправ, заставить чувствовать себя не в своей тарелке. Он безмерно гордился собой за ликвидацию тех юношеских заблуждений.

Так и повелось у них с тех пор – первая ночь все расставила по местам, определила полку каждому чувству, действию и мысли. «Отныне все будет так же», – решила Женя и, воспитанная в почитании к старшим, в особенности мужчинам, улыбнулась. Она помнила быстро стихнувшую боль, искусанные губы, потому что стонать от боли было неприлично – она не знала, как к этому отнесется муж. Но все это, должно быть, естественно. Никто ведь не говорил с ней о подобных вещах, это было постыдно, не принято. Вот Женя и подумала, что с Виктором об этом тоже говорить не стоит.

До регистрации брака в государственном органе Скловский посчитал оскорбительным для своего и ее достоинства вступать в интимные отношения с невестой. А, может, не желая развенчивать миф о себе как о безупречном исполнителе власти. Тогда он отыгрался за месяцы подавления в себе естественных инстинктов. Женя в каком-то полу мрачном забытьи просто ждала, что будет дальше. Как и любая девушка, она сотни раз задавалась вопросом, что ее подстерегает, и теперь была обескуражена новой ролью взрослой женщины, прислушиваясь к

ощущениям. Поняв, что жена его и впрямь оказалась нетронутой, Виктор никак не высказался по этому поводу.

Женя же была опьянена новым статусом супруги уважаемого человека, богатством и тем, что наконец-то стала полноценной женщиной, а не глупой девочкой с косичками, зажимающей под мышкой томик Маяковского. С той поры движения ее стали плавнее, глаза глубже, лукавее и добрее, улыбка раскованнее. На мир она взирала как добрая мать на нашкодившего ребенка. Ей уже нечего было стесняться или опасаться.

– Перестань, – податливо и в то же время властно говорила Женя, полулежа на подушках с разметающимися по ним кудрями, когда муж щекотал ее за пятки и, сгребая в охапку, принимался прочно целовать.

Тогда обнаженная полудрема мало-помалу спадала с нее. Виктор же завязывал галстук, стремясь на службу, к почитанию и положению, причитающемуся ему по праву. Не каждый способен так взлететь... Ее порхающий голос сопровождал его выталкивание из квартиры.

В кругу их близких знакомых (друзьями этих людей для развлечений едва ли можно было величать) были уверены, что Скловский, такой суровый и неприступный, балует жену, выполняет ее капризы как добрый папа, не находящий в себе сил отказать дочери и, следовательно, находится у нее слегка под каблуком, что приятно им обоим. Удачный брак... Но что может быть менее поверхностным, чем общественное суждение? Мнение людей, основывающееся на внешних оболочках, осколках, ошметках характера и чувствах, которые наблюдаемые всего лишь позволяют себе проявлять на людях.

4

... и вот она проснулась на рассвете. Глаза щипало от недосыпа, они так и норовили слипнуться. Но Женя не обращала внимания на них. Вперившись невидимым взглядом в потолок, она лежала на спине, понимая, даже не видя, что рядом спокойным откормленным сном спит муж. Он проснется, потянется, почешет подбородок и потрет свою щетину, заварит жидкий кофе, побреется... За ним придет служебная машина. Он будет наслаждаться собственной значимостью и важностью, вкушать все возможные физические блага, мягкие кресла, почет... а она в это время будет трястись в приемном покое, ожидая расстрела, или уже лежа на спине, как сейчас, только в несколько иной позе. Впрочем, как происходит это действие, Женя пока не знала. Многие ее знакомые проходили через такое, но ни с кем она не была близка настолько, чтобы сплетничать об этом вечерами на ободранной закопченной кухне коммуналки с ржавыми кранами, покрытыми годовым слоем запылившегося жира. Она лишь знала, что это наказуемая операция, и не такой уж маленький процент несчастливиц умирает... Уж об этом в газетах точно не пишут. Но если не говорить о проблеме, не значит, что ее нет.

Но Виктор выглядит уверенно, говорит, что договорился с хорошим доктором, что опасности нет... Надо бросить эти глупые страхи. Он прав, он, как всегда, прав. Насчет забот, расстрепанности, отлучения от компании и светской жизни... Как мать намучилась с ними, стирала зимами в ледяной проруби, потому что некому было колоть дрова, а у нее и так забот было по горло.

Женя закрыла глаза.

А можно, законно, благодарно ли перед природой так истязать свое тело? Ей стало не по себе. Она чувала в надвигающемся нечто корежащее плоть, отвратительное постылое вмешательство. И что-то слабо выло внутри, едва уловимое, как притушенная рациональностью интуиция, все же просачивалось через ровную пленку доводов. Но Евгения отгоняла эти мысли, топя знаки и неуверенность в столпе ненужных ничего не значащих мыслей относительно того, как все устроится и что ей делать. Столько женщин проходит через это. Значит, это нормально и прочно вошло в обиход современной жизни.

Скловский три дня всяческими способами уговаривал ее сделать аборт. Виктор не кричал, не угрожал, а просто спокойно растолковывал, что к чему и как все будет прекрасно без этой маленькой проблемы. Преодолев первый шок и обиду, Женя начала сходить с ума. Она умоляла оставить ребенка, убеждала, что он долгожданный, что она сама со всем справится. Странно, что раньше они не говорили о такой вполне естественной возможности... Самый страшный удар пришелся, когда мать поддержала Скловского. Мрачным шепотом в трубку она прошипела:

– Сейчас времена какие, а ты расплодиться хочешь? Мы, понятно, птицы мелкие, мимо нас ураган пройдет. А Виктор? Ты подумала, что будет, если его заберут, а ты одна с ребенком останешься? Без работы, без образования? Я тебе не помощь. Итак ноги еле ходят после того, как железную дорогу в болоте прокладывала.

После этого Женя сломалась. Она настолько зависела от Скловского духовно, материально и социально, что сама мысль, что он оставит ее, если она не подчинится, внушала истовый ужас.

В больнице она шла по длинным чистым коридорам, и стук ее ладных туфель отдавался в голове. Не хотелось думать ни о чем, и это с успехом удавалось. Кроме того, что она стремится быть где угодно, но не здесь, мыслей не было вовсе. В конце концов, когда она уже подходила к ключевому кабинету, где ее ждал радушный прием и квалифицированная медицинская помощь, Жене начало казаться, что давление и температура тела поднялись настолько, что сознание обманывает само себя. Такое бывало во время болезней, и, если она не была в

это время под одеялом, движения становились липко-неточными, ничего делать и говорить не хотелось, мир не приносил радости. Казалось, если это состояние навсегда сохранится, лучше уж смерть, чем такая жизнь. Все прошедшее перерастало в сон, и сегодняшнее умножалось на всю жизнь, не оставляя даже документальной памяти. Как под действием наркотика, только без веселящего эффекта, Женя приоткрыла дверь. В горле ее так пересохло, что начало скрипеть и шкрябать внутри, и она закашляла. Но нельзя было терять самообладания... Она вскинула плечи и взглянула на доктора. Сознание играло с ней, и она была даже благодарна этому облегчающему факту и слабости собственной психики, защищающей ее от непереносимых фактов действительности. Происходящее и то, что ждало ее, перестало казаться таким страшным, как виделось всего час назад, когда от тревоги Женя начала выстукивать отчетливую дробь зубами, коленями и пальцами. Сейчас даже сердце, облитое ядовитым холодом, успокоилось. Вблизи него и ниже в желудке чувствовалась тяжесть.

Врач, поджарый молодой мужчина с черствым взглядом, расспросил ее о некоторых медицинских аспектах. Женя думала, что сейчас получит косой презрительный взор, но он не сказал ни слова и вообще не выдал ни эмоции. В его глазах не было осуждения, пренебрежения, которых она ждала. Было только невероятное безразличие и отказ считать ее человеком, способным на боль. Может, он считал, что она эту боль заслужила. Только вот чем? Тем, что родилась женщиной? Или лишением кого-то шанса родиться? Но в таком случае доктор непосредственно участвовал в этом и права суда не имел.

– Можем принять вас прямо сейчас, – наконец, сказал он. – По протекции Виктора Васильевича, знаете ли... Все будет в лучшем виде, не сомневайтесь.

Женя послушно поднялась, и, не видя стен, поплелась в другую дверь кабинета гинеколога. Там было прохладно и просторно, бледно-голубой кафель на стенах, какое-то кресло посередине... Следом за ней вошла тоненькая серьезная медсестра.

– Могу помочь вам раздеться, – пропела она.

«Она разговаривает так радушно, – подумала Женя. – Значит, я ничего плохого не делаю...» Покориться воле симпатичной медсестры было приятно.

– Как возможно, что это запрещено, а меня вы принимаете? – спросила госпожа Скловская, стягивая чулки.

«Хорошего качества», – подметила зоркая медсестра с уважением.

– По медицинским показаниям все можно, – ответила жрица медицины. – А, как вы понимаете, вы не одна такая. Нужно только найти общий язык с доктором, – доверительно сообщила она и значимо улыбнулась.

Дождавшись, пока Женя полностью разоблачится, медсестра подвела ее к креслу и уложила в него, разведя пациентке ноги. Затем накрыла простыней.

– Это больно? – спросила вдруг Женя затравленно.

– Кому как... – протянула медсестра. – Большинство корчится.

– Разве не делают обезболивания? – прошептала Женя.

– Не положено же... – вздохнула медсестра. – Обезболивание на вес золота. А мы и так тут подпольно.

И вдруг до Жени дошла вся абсурдность ее положения. Этот нелепый выбор, не ее выбор, то, что она должна расплачиваться за ошибку, которую не считала таковой... Какая-то окаменевшая неотвратимость, бесповоротность свершаемого опутывали, паразитировали на ней. Путь назад должен быть, конечно, и есть, но она должна. Без лишних сомнений – так легче.

Злоба на мир сменилась злобой на себя, на то, что позволила крутить собой как марионеткой. Представился импозантный муж, который в данный момент ничего не чувствует, разве что тревогу за нее, не понимает, что вообще значит пройти через это... Она чувствовала себя бесконечно униженной, но было уже поздно – появившийся врач властно отдавал какие-то

распоряжения медсестре, а Женя не слышала их говор, провалившись в горячую безмятежность обреченного человека.

«Они все сделают за меня», – утешала она себя, передавая себе же недавние слова Виктора. Удобно, но, как оказалось, вовсе не действенно было переложить на кого-то ответственность.

В первый раз в жизни она была пьяна, и это даже нравилось ей, поскольку все происходящее разом перестало казаться кошунством. Она плавала в какой-то эфемерной фантазии, как перед долгожданным сном, когда мышцы истощены, а мозг настолько возбужден, что, и желая заснуть, не в силах это сделать. Вдруг она почувствовала отдаленное, издали плывущее прикосновение, и почти тут же что-то холодное и пугающе острое, плывущее внутрь ее тела, вливаясь в него. Ощущение было непонятным, но не слишком неприятным. А вот потом... такой боли, как тогда, она не испытывала никогда. Порой тяжело перенося женские дни, Женя была уверена, что тот эпизод кровоточащим пятном отпечатается в сознании как предел, который только может вынести человек. Выбросив поток конвульсий, она смолкла от хриплого крика, когда врач уже заканчивал, и распухающее внизу живота нытье сменило острую не боль даже... Какое-то паталогическое состояние на грани сознания. Через все она слышала звук, похожий на хруст свежего снега.

Медсестра тронула Женю за плечо, и она вновь застонала. Простыня над ней взмокла.

– Можете встать? – участливо спросила медсестра.

«Новенькая, – в каком-то абсурде подумала Женя, как будто это имело значение. – Никогда не будет спать с мужчинами. И верно».

Женя поднялась, пошатываясь. Все это поверх непрекращающейся судорожной боли в матке приводило к тошноте и слабости, тряске, как во время озноба. Разом горячая волна подкатила к голове, на лбу выступила испарина. Из-за вьевшегося, ворвавшегося в кровь Жене теперь невообразимо хотелось есть. Где-то в глубинах желудка разверзлась дыра, разрезался голод.

– Ничего, я уберу, – услышала Женя отдаленный шатающийся голос медсестры и только тогда увидела, что по кафельному полу по шагам, которые она успела сделать каким-то непостижимым образом, тянутся отчетливые пятна сгустков крови темно-вишневого цвета.

Потом она сидела в приемной, медсестра принесла ей чашку крепкого чая, но пить не хотелось. Женя, закутанная в свою шерстяную кофту и предпринявшая меры, чтобы больше не пачкать пространство вокруг себя, сделала несколько глотков из благодарности этой девушке. Интересно, проявит ли Виктор такое же понимание. Будучи за ним замужем, Женя вовсе не была уверена в утвердительности ответа. Встречаться с ним совсем не хотелось, но в обед он должен был забрать ее отсюда. Женя с колотящимся сердцем ждала назначенного часа и молила, чтобы что-то помешало ему. Она просто не знала, что говорить, оправдываться ли или обвинять, как смотреть в его глаза. Обида уже сейчас росла, становилось страшно от ее размаха. Женя боялась, что вовсе разучилась говорить связно. Хорошо было просто сидеть здесь, прислонившись затылком к кушетке, ни о чем не думая. Была бы с ней музыка, она бы просто растворилась в ней сейчас...

Угнетающий тускло-саднящий свет хлестал в лицо. Живой пронзительный рев откуда-то исказил чужеродные желтые от казенности стены больницы. Женя не поверила бы, что сама только что кричала заплетающимся захлебывающимся криком. Вечерняя безрадостная усталость, которая бывает преимущественно поздней осенью в одинокой теплой комнате, не позволила Жене даже дотянуться до жалости к тому существу, прикованному к обстоятельствам, необратимым, убогим, уродливым...

Они рвали, терзали, вытаскивали ее внутренности своими стальными предметами, но Женя, к счастью, не видела всего процесса. Она лишь чувствовала его и время, остановившееся

в бесконечном сгустке крика. Не видела она и остатков своего ребенка, выброшенного в урну с переломленным отчетливо сформировавшимся хребтом.

5

Владислава Скловская, переименованная отцом во Владлену в 1924 году, была сильной личностью. Это знали все. Преподаватели восхищались ее волей в спорте, домашние уважали и считались. Ненавязчивый поклонник в лице трогательного соседа только добавлял ей уверенности в себе и статус человека, который чего-то стоит.

Впрочем, Влада вовсе не думала о Владимире Гнеушеве, у нее ведь было столько дел. Владлена с успехом участвовала в модных спортивных состязаниях, строила всевозможные пирамиды из крепко слитых молодых девушек с короткими стрижками или заплетенными по бокам косами. И все было бы хорошо, если бы не семья.

Все отнюдь не началось тогда, когда отец женился чуть ли не на ее ровеснице, вдобавок бывшей возлюбленной брата... Подробности той истории Влада не знала, да и не горела особенным желанием узнать. Она не слишком-то думала о других, что не мешало ей четко видеть чужие проколы и обсуждать их с подругами, девушками из таких же внешне беспроblemных обеспеченных семей. Понимание, что почти все остальное население огромного Советского Союза живет в разы хуже ее клана, а их большая квартира представляет собой вовсе непозволительную роскошь, возводимую в ранг культа, не мешало ей винить самих неимущих в их бедности. Раз человек беден, то плохо работает. Обычно все находили в ее словах рациональные зерна, особенно Владимир, любивший слушать ее, восхищаться ей, ссылаться на нее и украдкой рассматривать на парях.

Влада же в ответ на восхищение лишь приглушенно улыбалась, не отпуская, но и не соглашаясь ни на что особенное. Намеренно за Скловской никто не ухаживал, но она любила делиться с подругами историями, как часто на лавках в парке или трамвае к ней подсаживаются молодые люди, и явно в намерении. Не понимая сама, Владлена обнадеживала случайных парней каким-то льющимся из нее здоровьем, уверенностью, цельностью, наличием внутренних емких мыслей. Им она могла казаться хрупкой и задумчивой, трогательной, потерянной. На ее голубоглазое лицо можно было засмотреться. Поначалу Владимир не нашел в ней ничего забавного, слишком спокойная, слишком уверенная в себе и живущая какой-то привлекательной жизнью девушки, у которой есть все, что она хочет. Но потом однажды он понял, что для него она красива, безумно красива и обаятельна, хотя объективно это было не совсем так. Мягкая блондинка с растянутыми малиновыми губами и чересчур осмысленным взглядом, не похожая ни на кого, живущая как-то особенно, говорящая умные не заезженные вещи, исповедующая не то, что интересовало большинство. Она не была готова к отношениям с мужчинами, не боясь их, но испытывая отвращение от мысли, что придется жить как мать. Она не ненавидела их, но сплачиваться в семье, как мечтали окружавшие ее девушки, не тяготела. Травма судьбы матери надолго должна была отбить у нее желание гулять в однокурсниками по вечерам, но не истребила потребности нравиться в новой пошитой на заказ одежде, с чистыми блестящими волосами.

Отношения Виктора Скловского с дочерью отдалялись по мере ее понимания, что он за человек. Отец же очень любил Владу, больше, чем остальных в семье. Взрослея, она раскрывала глаза и видела мир все более причудливым и разнообразным. Это касалось и отца – выправившись из детской ограниченности и обожествления всего и вся, Влада начала понимать, что ее любимый отец отдает темной энергией, а многие попросту ненавидят его. Вспоминая самоубийство матери, она не могла не обвинять его. Но, памятуя об излюбленной своей философии, она винула и ее и вообще терпеть не могла слабаков. Мать предала ее своим ранним уходом, и Влада не испытывала к ней жалости. С братом в детстве ее роднила привязанность, и, как несчастные брошенные дети, они могли бы объединиться и заботиться друг о друге, но этого не произошло – раскусив, что к чему и начав мало-мальски разбираться в жизни, они начали

избегать разговоров о детстве, родителях, слишком было противно то, за чем они наблюдали все детство и юношество. Неловко было вспоминать, и они предпочитали не общаться.

В их семье вовсе не принято было обнажать чувства и жаловаться, молчаливое неповиновение или замалчивание с неудовольствием про себя становилось ключевой линией поведения. Знал ли Виктор Васильевич, что дочь с отторжением приняла молодую мачеху, по возрасту более годящуюся ей в старшие подруги, оставалось загадкой. Но, даже если он понимал это, будучи человеком проницательным там, где это было ему выгодно, он едва ли придавал этому значение. Девятнадцатилетняя дочь была предоставлена сама себе и вполне радовалась этому обстоятельству.

Летом семья жила на даче. Женя не работала и вроде бы не собиралась никуда устраиваться, чем снискала презрение эмансипированной падчерицы. Влада навевалась на подмосковный участок на выходных, ведь в городском институте всюю шла сессия. Владимир по иронии судьбы оказался ей соседом и здесь, гостя у сонного приятеля и пытаясь вести с Владой высокие разговоры, соответствующие уровню ее развития и запросов. Девушка, впрочем, этому не противилась и с удовольствием высказывала свои планы на жизнь, соображения по поводу людей и что-то сокровенное и родное, отчего он уже считал их добрыми друзьями.

– Юнец отвратительный в своей безоружности, – так вполне в своем духе отзывался о поклоннике дочери сам Виктор Васильевич, великий и ужасный.

Владимир испытывал к нему некоторую робость и благоговение. Будучи ярим комсомольцем, он с уважением относился к красному офицеру, с честью прошедшему через гражданскую войну, через те легендарные затемненные, припорошенные, хоть и недалекие времена. Его власть, почитание, благородное дело, интересы которого он отстаивал – все это было прекрасно и возвышенно. Так хорош, прост был окружающий мир! И не имело никакого значения, что жил Владимир в крашенной вместо обоев комнате с болезненной матерью, работающей машинисткой в газете. Но скоро, совсем скоро им обещали светлое будущее, новый блестящий и чистый мир, а не клочковые покрывала, чтобы загородить потертости столов. Кто не желал этого, не верил, что трудности не напрасны?

Владимир умел то ли в силу молодости, как считали старожилы, то ли из-за склада характера, поразительно до отрицания впитывать мир и обожать его. Никто не воспринимал его всерьез, обычен был влюбленный по уши мальчишка, добивающийся избранницы. Кто-то вздыхал над своей юностью, проведенной в еще большей нищете и разрухе, кто-то потешался...

Влада не испытывала раздражения к теплому пытающемуся все объять взгляду и неуклюжим слегка размашистым манерам друга. Она злилась и обливала его безразличием только когда он переходил черту. Но когда он приходил вновь и звал гулять, она ничего не имела против того, чтобы прошвырнуться с ним пару часов.

6

Без личных околичностей поняв, что произошло, когда Виктор почти внес бледную жену в прихожую и усадил на тумбочку для обуви, Влада промолчала в очередной раз. В душе ее шевельнулось омерзение. Отец спит с молодой женщиной под ее носом... То же он заставлял делать мать, когда она была жива. Не послужила ли такая жизнь ее самоубийству? Снова подумав, что мать сама виновата, что терпела все это, Влада отогнала непрощенную жалость. Раскисла!

Посреди ночи Виктор проснулся и увидел кровавые простыни под женой. Без тапок он побежал звонить в скорую, хлопая покрытыми краской дверями. Владе пришлось принести таз.

У него были дела важнее, глобальнее, а тут эти женщины со своей вечной склонностью к плодоношению. И было бы из-за чего устраивать сцены о походах в абортарии, это же реальный выход из трясины бесконечных пеленок, а они еще плачут. Человек ведь не животное, чтобы слепо идти на поводу у естества, прогресс дает ему возможность обходить досадную диктовку природы с житьем в пещерах. Хотя иногда цивилизация порождает выверты, противоречащие полезным дарам матери. Но такие размышления отнюдь не толкали Сдловского отказаться от всего природного, он бравировал возможностью заменить и взять под контроль лишь вторую часть процесса деторождения и не переживал из-за топорности метода, считая его достаточно прогрессивным. Не то что раньше с этими многодетными семьями. Он помнил маленького Юрия, как тошнотворно все носились с ним и сюсюкали, а была ведь война, более важные вещи требовали внимания. Ребенок только ныл и боялся всего, всюду мешал и путался под ногами, пока его отца хотели стереть с лица земли. Когда же Сдловский в порыве безразличного снисхождения брал сына на руки, тот вместо благодарности и внимания закатывался непереносимым ревом. Такое бессмысленное поведение быстро отвратило Виктора Васильевича от отпрыска.

«Ты еще молода, ты создана не для рождения детей, а чтобы радовать окружающих. Подумай о своем шике», – вспоминала Женя, попав в больницу с обильным кровотечением, недоумевая и испытывая неловкость оттого, что столько людей возится с ней и знают причину ее недуга. А про себя, должно быть, Виктор вспоминал роды Инны и связанные с этим неудобства интимного характера. Свои неудобства и ограничения.

Больница, бред, галлюцинации-сны и сны-галлюцинации сопровождали ее забытие и бодрствование. Матка ее оказалась проколота и болела отчаянно, яростно, невыносимо. Женя лишь корчилась на простынях и понимала весь ужас и брошенность своего положения. Днем приходил Виктор или домработница, на Женю обрушивались попытки мужа развеселить ее, не придавая значения происшедшему, словно и думать о том, что это в некоторой мере неправильно, не было нужды. Помощница же лишь неловко молчала.

Скупой больничный свет стихал, переставал резать, а после начинал вновь. Пламя брызгало ей в глаза грязными каплями, стекающими с тряпки, которой техничка, не обращая на нее внимания, терла пол с безразличной остервенелостью. Мысли растекались в клочья, позволяя вникнуть в боль до конца и почти слиться с ней в блаженно-ненавистной летаргии. По утрам растушеванное солнце прорывалось сквозь застиранные шторы, и Женя сквозь ленивые от боли полу мысли думала, зачем ей жить, если дальше не будет лучше?

Неустойчивым почерком она наносила карандаш на записки. «Все в порядке, Витя». Все в порядке...

Наверное, другие женщины считают обыкновенным после такого процесса не питать к отцу ребенка злых чувств... Это ведь нормально, естественный ход событий. Но она не могла. Не могла в первую очередь понять, не то что принять. Ведь от понимания до принятия путь короток.

Страх, безысходность, какая-то общая серость и бессмысленность всего сущего сопровождали Женю в больнице. Тело от боли иногда словно распадалось на отдельные части.

7

В конце августа уже навязчиво пахло сентябрем. Дача Скловских с ними внутри надвигалась на осень. Успокоенное увядание ударялось о двери и окна. Ощущение запакованности, зачехленности, свойственное осени, предчувствовалось. Вылезающее солнце обдавало, захлестывало, засасывало желтизной, поглощало в неизведанные дали космоса своего цвета.

– Как ты можешь считать этот кошмар? – спросил Скловский дочь, зайдя в комнату и ясно заставив ее сжаться и накрыть ладонью потрепанную книгу стихов Есенина. Что в нем находила Влада, в целом не особенно увлекающаяся литературой, было загадкой для отца. Впрочем, читала она лишь пару стихотворений. Остальные не западали в душу, как это и бывает даже с творениями больших поэтов.

– Значит, нахожу в нем что-то привлекательное.

Скловский пожал плечами, едва не разрев сам себя от надменности, как можно быть такой глупой.

– Убери. Еще не хватало, чтобы об этой маленькой пикантной тайне узнали за пределами нашей общности.

Влада со спокойной яростью взглянула на отца, но перечить не отважилась, зная, что в делах, подобных этому, он имеет настоящее чутье. Еще бы – пройти такую школу увиливаний, изменений морали, закрытия глаз на явный идиотизм и несправедливость... Влада сама не понимала, что вопреки пламенным изобличительным речам отца, напитанным фальшью, не чувствует неприязни к их автору.

– Золотая середина – это не русское. То целуют царю пятки и в священном благоговении идут на войну, то расстреливают его. Воевать-так положить всех, лениться – так по-емельевски, со щукой и тупым существованием. Запрещать – так великих поэтов, которые посмели сказать что-то не то! Сказать ярко и правдиво...

– ... запрещать именно тех поэтов, которые и имели свое видение и подлинный гений. Это я понимаю, неужели ты не знаешь? Разве в царское время не гнали Пушкина и Лермонтова? А царя почитали от необразованности. Оставь эту тему, девочка. Ты слишком кипятишься. Не суди ни о чем категорично. Ни одно предложение со словом «никогда» не имеет права произноситься умными людьми. Всегда есть исключения. Всегда! Мы должны зреть здраво, глубоко. Вникать во все нюансы.

– Да, папа, – бесцветно ответила Влада и уставилась в окно. – Только вот тошнит от социалистического реализма. Нельзя отринуть все, что было хорошего.

– Пушкина никто не отменял.

– Если бы он не был на стороне декабристов, отменили бы. Все помнят, что он был против царя, но никто не думает, что он и против современной власти был бы. Забывают лишь тех, кого удобно.

– А тебе не приходило в голову, что ни одного гения прошлого века не отменили, потому что они как раз ратовали за то, что и произошло? А вот современные... Ну нравится им бунтовать.

– Они бунтуют не потому, что им нравится этот процесс, а потому что видят все насквозь и свысока.

– Не советую тебе говорить об этом кому-то кроме меня. Впрочем, ты умница. Но что ты имеешь против советской культуры? Грамотность населения составляет теперь девяносто процентов. А раньше образование было доступно единицам. И не поднялись бы ни твой Есенин, ни наш Маяковский из босяков, если бы не советская власть. Ты говоришь ерунду узколобого бунтаря. Бунтовать было модно двадцать лет назад. Теперь пора успокоиться.

– Это неправда, они были известны еще при старом режиме.

– Только потому, что режим этот изжил себя и все тяготели к новому.

– Бунтовать свойственно каждому поколению... – со странной для нее горячностью, которую обнажала только при отце, сказала Владлена. – Потому что старшие замыкаются на глупом консерватизме, пусть и свежем выстроенном. Надо прорывать эту стену и вносить нечто новое. Хотя я и далека от политики.

Отец с ехидством бросил на дочь неуловимо звучащий взгляд.

– Не потому ли ты читаешь опальных поэтов, что они запрещены? Тебе бы только жить сыто и говорить умные слова, – подытожил Скловский не без самодовольства, присущего человеку, считающему себя эрудированнее и выдержаннее оппонента. С Владой так говорить отваживался лишь ее отец. А она лишь в его присутствии чувствовала, что не может быть неоспоримо правой и лучшей во всем. Каждый сильный человек в душе преклоняется перед кем-то даже больше, чем размазня, ведь заострен на громкие эмоции.

Влада не нашла, чем крыть. У нее сощурилось сердце.

Дочь – это тайна и нежность, которую нужно было оберегать. Идеальная женщина, которая никогда ничего от него не требовала. По крайней мере, недавно было именно так. И Скловский не допускал мыслей, что что-то изменилось. Идеальная женщина, которой у него никогда не было. Остальные разочаровали, да и никогда особенно не очаровывали. Сына же можно было пинать как недостойного себя.

Отношения Влады с отцом просто рассыпались во времени. Воспоминания наводнили разум. Окружали призраки счастливого, как у большинства, детства, несмотря на сложные цепи отношений в семье и голод, военное почти положение. От собственных иллюзий и воспоминаний, досаждающих, делающих легче, отбиться оказалось непросто. В любых условиях ее изгибающаяся сущность, как цветок, тянулась к свету. Отец забивал своим искаженным авторитетом, мать вызывала отвращение слабоволием. Было от чего пребывать не совсем в ладу с собой. Владимир считал, что в лихие времена, ведь в конце концов ослепление молодостью сменилось жесткимприятием фактов, люди не имеют права закапываться в собственных мелких проблемках, потому творчество индивидуалистов последней поры аристократии запрещено для пользы. Но что может быть важнее для человека, чем мир его личных замкнутых в голове мыслей? И чем плохи деятели искусства, выплескивающие в вечность свои переживания и потаенные мысли, если они могли помочь, избавить кого-то от ошибок и спотыканий, если делали это совершенно? Но это преследовалось, считалось недостойным в период, когда массовое было важнее единичного. Влада как бы и одобряла такой подход, но в то же время что-то сокровенное в ней тихо возмущалось. Индивидуалистам место было в отрезке, который им в школах не преподавали.

– Индивидуалистам место всегда и везде. Большинство гениев – индивидуалисты, – как-то она из духа противоречия заявила Владимиру, хотя постепенно училась на что-то прикрывать глаза, что-то пропускать. Вместе с тем это не мешало ей негативно отзываться на похожие поступки других людей.

– Да, но индивидуализм – не значит эгоизм.

– А складывается именно такое впечатление. Потому они и вымерли.

– Вымерли потому, что слишком много обращали внимания на собственные переживания?

– Именно.

– Как раз наоборот, чем больше был поэт, тем сильнее он задумывался о судьбах и поколениях. Но это не мешало ему выплескивать собственное бродящее море, тесно переплетая его с внешним.

Владимир постепенно начинал слишком много думать о себе и окружающих, недолюбливая Владу за то, что она не делает того же. Его спокойная процветающая натура научилась осуждать, пресытись установкой и необходимостью быть нейтральной и со всеми доброжела-

тельной. Влада же старательно показывала, что ее нейтрально не интересует чужое мнение, но едва ли такое возможно при существовании в социуме. Нет работы сложнее, чем жизнь в обществе. Владимир не знал, поскольку учился на другом факультете, что Владлена участвовала во всех недоразумениях и конфликтах в институте, зачастую будучи их определяющей силой, но не началом. На неодобрение ее поступков она активно взрывалась в жалобах подругам, изящно давая понять, какой идиот ее хулитель. И при этом всерьез делала вид и даже верила, что ее не волнует масса и ее мелкие дразги.

8

При отнюдь не лучших экономических показателях и дефиците многого у страны, строящей заводы и прокладывающей железнодорожные пути, не было возможности наладить все и сразу. Здравоохранение стало бесплатным, что резко понизило статус врачей, но уровень обслуживания оставлял желать лучшего, а ситуации на производстве щедро снабжала лекарей работой. То же относилось и к стоматологии – серые пломбы быстро выпадали, а плохое обезболивание превращало походы к зубному врачу в пытку.

Женщины с забитыми смытыми лицами полоскали одежду на реках, сдирая кожу пальцев в холодной воде, и мыли головы с разными оттенками русости волос мылом и отварами, что часто оставляло белый налет. Несмотря на многообещающие разработки ученых в массы они не подавались, оставаясь привилегией высших слоев.

В семье Скловских было место и нежности, и высоким беседам, но все это как-то скукожилось, обесценилось, опустошилось оттого, что Женя простить мужу так и не смогла. Поначалу она корила себя за то, что винит во всем Виктора, а потом в какой-то момент поняла, что это вполне обоснованно. И это открытие больно поразило ее, распахнуло глаза навстречу болезненному режущему свету больниц, привело к догадке, почему ее мнение о нем в корне поменялось – подсознательно она уже знала причину своего перелома. Это был обычный ничем не примечательный аборт, обыкновенная операция, которые в СССР производились миллионами и подпольно, и вполне официально – ушлые врачи не брезговали получить причитающееся, назначив прерывание беременности якобы по медицинским показаниям. Женя регулярно слышала, как кто-то приглушенно обсуждает подробности своих походов к врачам и бабкам. Но для нее это был перелом, конец, перечеркивание всего, что существовало прежде. Она не задумывалась раньше, что можно получить, действуя как все и после замалчивая это, никого не предостерегая. Хоть такое и было более чем естественно в те времена, Женя все никак не могла поверить, что это канон, что так надо, что, раз к этому прибегают многие, и она должна действовать так же и не терзаться. Жене не приходило в голову, что женщины боятся того, через что прошла она, и с радостью избежали бы подобного насилия над собой, будь у них выбор. Но так было заведено, установлено, население не просвещалось по запретным вопросам, деваться было некуда.

Женя не могла смириться и забыть, и ее непохожесть на других еще более усугубляла ситуацию. Она ощущала одиночество и думала, что одна чувствует такое, не зная, что остальные молчат подобно ей. Женщин, которые прошли через убийство плода и не терзались этим, которые жили обычной жизнью, радуясь только, что избавлены от хлопот, что все прошло гладко, Женя не понимала, их черствость казалась ей дикой, кощунственной... Омерзительно, что они продолжают спать с мужьями, любовниками или случайными производителями. Она не думала, что, быть может, так они лишь пытаются обезопасить себя от того, что терзало и поражало теперь Женю день ото дня все глубже – непрерывного шествия к срыву и апатии. Если не вспоминать, не погружаться в детали, чтобы не тронуться умом, не так тяжело.

Близость для Жени теперь стала мучительна, и день начала процесса, гарантирующего, что еще одна беременность не состоялась, она встречала с дрожью и сама не своя ходила, если он задерживался. Разгоряченные запятнанные быстрыми движениями простыни стали для нее эшафотом.

– Повалился к нам этот щенок, – тихо сказал Виктор, раздеваясь.

Бледная Женя ожидала его в постели, отодвинув книгу. Ей не понравилось, как муж отозвался о Владимире, юноша всегда импонировал ей. Необъяснимо было то, что она жалела его, хотя был он в меру красив и не отличался затравленностью. Быть может, только в присутствии Скловского.

– Почему щенок? – тихо произнесла она, опасаясь, как бы он не расценил это как дерзость. Виктор часто взрывался по пустякам и во всем искал подводные подвохи.

– В рот смотрит, словно зверек, от меня будто все зависит, будто я солнце что ли...

«Как будто тебе это не нравится», – невольно подумала Женя, не отдавая себе отчет, насколько точна в этой непроизвольной критичности. Выискивать недостатки мужа не было ее самоцелью.

– Вот и помоги ему устроиться.

Виктор повернулся и с вопросом глянул на жену.

– Быть может, они с Владой... – продолжала Женя тихо.

– Шутишь? Она не воспринимает его всерьез.

– Такая настойчивость рано или поздно вознаграждается.

Виктор усмехнулся. Комната погружалась в сочную темноту. Стены еще помнили их утренний запах после расступившегося вечера дня.

– Мудрая моя девочка, – сказал он мягко и приблизился к Жене, поблескивая глазами в темноту.

Ее будто обдало током, но не приятным, а отдергивающим. Медленно и вдумчиво целуя ее и улыбкой дождавшись, когда она сползет вниз, Виктор полез под комбинацию, облепляющую тело женщины, всученной его власти, и дрогнул от прикосновения к не слишком большой идеально упакованной груди, миглом изменившей форму. Ее запах, лишенный искусственности духов, нравился Скловскому. Женя вся как-то застыла, дернулась, напряглась, и в своей тяжести не могла даже пошевелиться. Самое время было закричать, убежать, выплеснуть злость, но она не могла, просто была не в силах... Никакой радости от этого приятного и обычного дела она больше не получала – каждый раз думала, что он окажется роковым и вновь приведет в кабинет гинеколога, на то же кресло. Ему-то дети не нужны, у него их уже двое, а что может она? В такой вечной апатии жила Женя теперь. Делала все, что и обычно, но это не приносило прежнего эффекта, рецепторы восприятия будто притупились и просрочились, вышли из строя, как старая техника. А по вечерам вдруг накатывала нераспознанная грусть, и она смотрела на холодеющие от темноты улицы и медленно размышляла о том, куда идут эти хмурые уставшие люди в серых пальто.

Жене стыдно было признаться, что образ Юры все же вставал перед ней раньше, но отвергался как нечто крамольное. Всеми силами она пыталась забить его и очернить, сделать Виктора выше сына. Юра пронизывал ее существо в любом проявлении, будь то мысль или чувство, особенно когда он вернулся и начал делать ей какие-то неопределенные послы. Его образ выплывал для нее в каждом мало-мальски похожем на молодого человека прохожем, и Женя пугалась разливающейся по коже волне. Особенно теперь.

Они торопились жить, в лихорадке предвидения туч пировали и ликовали. Из соседних домов ночами увозили людей, так же на следующую ночь могли поступить и с ними, с каждым... Пир во время чумы – разве не закон человечества? Закон эгоизма. Иногда Женя, краем уха наслушавшись о чьих-то арестах, не могла, как и тысячи по стране, уснуть, пронизанная страшным предчувствием, что сейчас скрипнет лестница, раздастся решительный стук в дверь... она ни в чем не была виновата, в политике ничего не смыслила и едва ли вообще понимала, что творится вокруг. Но выползать из теплой норы, забитой ватными одеялами, волей-неволей приходилось по мере столкновения с жизнью. Разве не хватали и невиновных? Они же жили в столице, почти у стен Кремля, и были гораздо более уязвимы, чем простые работяги или крестьяне.

В Европе во всю шла война. Некоторые всерьез верили, что до СССР она не дойдет, другие считали это делом решенным. Но какой бы исход люди не пророчили, повседневность забивала страх и думы о будущем, отодвигала угрозу куда-то в раздел не совершенного, так что живущего лишь в воображении. А это никак не могло вызвать панику.

9

Как-то речь у Владимира и Влады зашла о святой святых.

– Ты замечала, что книги, пересказанные человеком, если очень нравятся ему, приобретают более яркую окраску, чем когда читаешь их сам?

– Пожалуй, – улыбнулась Влада и стихла.

– Я тут начал перечитывать Толстого, – снова начал Владимир в надежде затронуть собеседницу. – И многое понял. То, что раньше казалось унылым и бледным, окрасилось. Всегда я думал, что классика скучна и претенциозна. А теперь оказывается, что она знает ответы на многие вопросы, которые тревожат меня, как, наверное, и многих до и после. Открой «Войну и мир» и пойми, что большинство твоих духовных скитаний, дум и трагедий уже было прожито и описано. Быть может, от этого станет легче, а, может, наоборот – не такой уж ты особенный. Каждый же думает, когда взрослеет и начинает познавать мир, что он неповторимый, и конфликты при его соприкосновении с действительностью уникальны. Отчасти это так, процесс чувствования, наверное, различен, каждый ощущает разную интенсивность одних и тех же эмоций. И все же... – он ласково улыбнулся чуду жизни.

Влада классику не любила, но нашла возможным вставить свое слово.

– Толстой восхищает меня как писатель, вызывает сомнения как человек и убивает как мужчина, – сказала она, чтобы не опозориться, ведь она не имела мнения о нем как о прозаике. Узнай об этом Владимир, был бы удивлен, открыв проплешины в девушке, всегда казавшейся цельной. – При всем своем уме и стремлении к всепрощению он обращался со своей женой как со скотиной. И не думал понимать ее. Конечно, у него были более «нужные» мысли – переустройство церкви. Теперь об этом не говорят, Софью очерняют. Забавная мораль масс – если гений, то непременно неприкасаем, не может быть в чем-то неправ. Значит, в неизменных конфликтах виновата его жена. Какая узколобость!

Владимир опешил – для него произнесенное было неожиданным и не совсем понятным откровением. Да, Влада нещадно критиковала все, что ей не нравилось, но кто из мыслящих не делает то же? Обычно при таких вопросах она лишь пожимала плечами и давала понять, что не ее дело, раз кто-то не может жить достойно.

– Нас там не было. И потом, говорить и делать – не одно и то же. Ты пойми, именно такие люди, противоречивые со всех сторон, безумные и странные – только они великие.

– Были великие, которые никому не отравляли жизнь, а если и отравляли, то несознательно.

– А он сознательно?

Почувствовав, что попала в собственную ловушку, ведь божилась не судить людей и не делать выводов о том, чего знать никак не могла, Влада с достоинством замолчала.

– Я не говорю, что кто-то из них прав, а кто-то виноват. Величайшая мудрость человечества – истина рождается в споре. Но не говори мне, что Софья отравила жизнь Толстому. Скорее, наоборот, у него было куда больше ресурсов отравить ее жизнь, когда женщина не имела никакого веса и играла в опасную рулетку брака.

Пыл ее слов превращался в холод и упертость, что не красило бы Владлену, не смягчай она все улыбкой. Произнеси она то же самое с жаром, жестикулируя и округляя глаза, он бы умилился ей как умному ребенку, высказывающему не по годам глубокие суждения. Но она была уверена в своей правоте, и Гнеушев сник.

– Она посвятила ему себя по законам времени, но не получила в ответ благодарности. Ведь это разумелось. Растила бесконечных детей, находила время не только переписывать его гениальные каракули, но и писать самой и писать неплохо. Об этом не принято говорить в

России, это никто почти не знает. Здесь принято выгораживать Толстого из этих некрасивых взаимоотношений, выставлять его лучше, чем он был. А он? Только разочаровывался и гундел.

– Она тоже была хороша, – фыркнул Владимир, впервые напустив на себя налет презрения. – Боролась с сестрой за его расположение, была подозрительна, читала его дневники...

Владлена оскорбленно смолкла, пытаясь казаться беспристрастной.

– Если тебе сызмальства талдычат, что только в этом твоя карьера, на что только не пойдешь, даже понимая унижительность собственных манипуляций... Нам прочно создают образы классиков как безупречных титанов, на которых стоит равняться. А все в жизни не так просто, как кто-то хочет показать.

Владимир в некоторой мере был согласен, но почувствовал какую-то шатающуюся недовговоренность, пустоту, фарс и бессмысленность подобных обсуждений.

– У гениев обо всем свое мнение. Зачастую неверное, – только и смог добавить он. – Если заходить с парадного хода, это не значит, что на задворках нет мусора. Они ведь живые люди...

– В том-то и дело. А потом их жизнь сводят к статьям в энциклопедиях, пытаясь вылепить из образа ошибающегося ищущего человека какой-то столп.

Потом Влада, благосклонно желая перевести тему, говорила об отказе от гордости во имя любви, об эгоизме. Все это было так правильно и так... Не похоже на действительность, на то, как она жила и что думала об окружающих. Владимир недоумевал. Он понимал, что так Скловская будет относиться к избранным, но где, кто это был? Не родные, не друзья... Не он, но почему? Что он делал не так? Гнеушев понимал, что это грани человеческой личности, бесконечного процесса развития, они не раз говорили об этом, что это не лицемерие, но все равно ему было непонятно, неприятно.

10

По раскаленным улицам бабьего лета сквозь примятые теплом деревья Влада шла домой и думала о Владимире, наблюдая за сонными бабочками, неспешно парящими в воздухе. Для нее он, как и она для него, был весьма противоречив. Впрочем, долго думать о другом человеке она была неспособна и переключилась на книгу, которую читала. Ее худенькая фигурка выглядела неприкаянно для тех, кто не имел счастья был знакомым с ней. Некоторым молодым людям она, сама того до конца не понимая и выставляя лишь свою прыткую женскую сущность, улыбалась, и они шли рядом, завязывали разговор. Влада непреклонно обрубала его, как только речь заходила дальше положенного учтивостью и не позволяла провожать себя.

– Жизнь жестоко заставляет нас расплачиваться за ошибки, – пожалла плечами Влада в ответ на какое-то замечание Жени, придя на обед и уминая яблоко.

– Разве это справедливо? – подняла на падчерицу удивленные глаза Женя, перестав опираться подбородком на ладони.

– Не знаю, но действительно. По крайней мере, это опыт.

Женя чуть не задохнулась от возмущения, поняв, о чем именно говорит Влада. Какой опыт? А когда семью твою загоняют в чертоги страха, перелопачивают и гноят всех до единого – опыт? А когда грудных детей нанизывают на забор – предназначение, судьба?! Да не больше, чем случайность! «Человеку не дается испытаний больше, чем он может выдержать» – самое бесчеловечное утверждение на земле. Как их время могло родить такую безразличную и избалованную негой девушку, для которой чужие проблемы – досадное упущение их самих? Немыслим калейдоскоп человеческих характеров и сочетаний черт. Но, опасаясь открыто демонстрировать это, Евгения помолчала. Переломали ее как женщину, обрубили. Не только заставили чувствовать себя убийцей, но и пустой, бесполезной, донельзя униженной и дырявой. А теперь приходится еще выслушивать критику в свой адрес.

– Если у тебя этого не было, не значит, что другие такие же, что им так же повезло.

«Все, что не делается, к лучшему», – вспоминала Женя в негодовании. Прямо так все! Люди мыслят избитыми, придуманными не ими клише и находят в них рациональное зерно, оправдывают ограниченность даже потоком собственной мудрости, вынудой с великим трудом и растушеванной о ханжество и страхи. В вековых народных изречениях есть смысл, но и к ним стоит относиться осторожно. Не все одинаковы, не для всех благодать вообще является таковой.

– Что это замужество вам с мамой дало помимо якобы крепкого тыла, этих тряпок, которых сейчас ни у кого почти нет? Все в совокупности должно быть, и тыл и тряпки тоже... Но вот парадокс – без них прожить намного проще, чем без нежности твоей восхваляемой, – продолжала Влада, распыляясь и выплескивая наружу годами копившуюся горечь на то, что все складывается так, а не иначе. Не так, как хотелось, а по-своему, глупо, трагично и постыло.

– Проще? – зло усмехнулась Женя. – Ты жила что ли в доме, настолько вросшем в землю и развалившемся, что это больше походило на землянку? Не стоит, никогда не голодав, судить о том, что в жизни важнее.

– Так я же не настолько глупа, чтобы утверждать, будто деньги не важны! Важны, и очень, но... Достойный уровень жизни, теплая постель способны доставить удовольствие, но это еще не все.

– Конечно, не все. При всем при этом отчего жены богатых политиков заводят любовников? Не от скуки одной... Не от распушенности. Каждому человеку, особенно женщине, так важно любить кого-то или хотя бы притворяться. Мы как кошки – любим комфорт и очаг, а нас ругают за любовь к деньгам. Деньги ведь способны обеспечить комфорт, чтобы не волноваться ни о чем, не думать, что дети твои сгинут в шахтах.

– Все люди разные, – отрезала Влада.

– Одна сплошная пропаганда. Выйдешь замуж – будешь счастлива. Аксиома будто бы. Как бы не так! – разразилась Женя, будто не слушая падчерицу, хотя была согласна с последними словами. – Если бы ты вынуждена была делать то же самое, что и все женщины в этой стране, у тебя поубавилось бы пылу кричать, как я неправа.

– Все от человека рядом зависит. И от случая. Для кого-то брак и правда счастье.

– Все да не все! Есть обстоятельства природного типа, от которых не укроешься, – сказала Женя, потупив взгляд. – И зависит все не столько от человека рядом, сколько от факта его наличия.

– Мать умерла в день, когда связалась с отцом, – нараспев сказала Влада, растворив глаза где-то вдалеке. – Женщины так к этому стремятся, не понимая, что это конец, потому что так надо, так говорят. Окончание любви, их жизни, всего.

– Любить лишь себя тоже неверно.

– Даже мелкие события из жизни предков обрастают дымкой значительности и туманной привлекательности, – словно не слушая, растягивала слова Владлена. – Моя мать делала аборт за аборт и так истощилась через несколько лет... Была еще не старой, но какой-то злобной, потухшей. И теперь я понимаю ее. Тогда же она казалась мне едва ли не мерзкой.

Женя содрогнулась. Раз за разом проходить через это... Какая-то пытка без тюрьмы, кошмарный сон длиною в годы. Как можно жить в таких условиях и остаться на плаву в здравом уме, вообще остаться человеком?

– А он был другой, жалел ее, не то что отец. И она в нем увидела какую-то поддержку. Иссохшая женщина, которая не думала, что в ее жизни еще может случиться что-то приятное...

– Кто был?

– Ее любовник.

Женя выдохнула. Влада тихо улыбнулась произведенному эффекту.

– Незадолго до маминых похорон я разбирала какие-то записи на чердаке. До этого я ведь ничегошеньки не знала о ней, об их с отцом жизни, я была слепа как настоящий ребенок и плавала в своем ограниченном мирке. Чтение тех писем топором разрубило меня. И столько пришлось переосмыслить. Я считала брак родителей хорошим, слитым союзом. Я видела, что мать меланхолична, но пеняла ей на это и отдалялась от нее все больше с каждым месяцем. К детям она относилась не так радушно и обходительно, как к гостям. Они ведь могут обидеться. Странно, что к посторонним людям зачастую испытываешь больше неловкости, чем к родным... Не наоборот ли должно быть? Дети же никуда не денутся, поэтому испытываешь большую свободу. То же происходит и с супругами. Так что неблагодарным людям, людям без совести противопоказано жениться. Никто не должен иметь несчастье стать близким и беззащитным, поэтому легкодоступным для раздражения.

Она была сухая, односложная, но что за жизнь она вела и могла ли стать другой под влиянием того, что пережила? Из-за того, что она замалчивала, ее существование не стало лучше. Она осталась закрытой книгой для детей, и это страшило нас даже после ее кончины. Теперь я думаю, что лучше быть сволочью для всего остального мира, но для родных делать все, чем наоборот. Отец считал, что у них все хорошо, ему не приходило в голову... Идеальный брак. – Влада зло рассмеялась. – И вот я читала его письма к моей матери, которую даже не считала женщиной, способной еще кому-то нравиться... письма по-настоящему искреннего человека. В них не чувствовалось фальши, какой-то дешевой сентиментальности. Я была поражена, наткнувшись на любовную переписку моей замужней матери, я негодовала. Тем более тогда я еще уважала отца. В письмах тот человек спрашивал, почему Инна, моя мать, терпит моего отца, почему не уйдет... «Он ужасный человек», – писал тот, кого я ни разу в жизни не видела. Я была в гневе.

Я не знала, как сказать о моей находке матери, мне было так стыдно и больно... Но все же завела об этом речь. Сначала мама была в замешательстве, плакала, пока я стояла перед ней судьей. Потом она начала говорить, и у меня волосы вставали дыбом на голове, насколько я не знала собственной матери... Какие-то они всегда были с нами скрытные и редко говорили по душам. Может, во времени дело, я не знаю. «Знаешь, что значит жить с человеком, от которого не ждешь нежности уже долгие годы? И что такое неожиданно встретить вдруг, не строя глазок – какие там глазки в моем положении – мужчину, который вдруг понимает и смотрит на тебя сочувственно? Не дай тебе бог когда-нибудь испытать эту раздирающую пустоту и одиночество при наполненном доме. Когда есть у тебя и муж и дети, но прошлое тяготит, а в тебе еще не все умерло настолько, чтобы забыть счастливое время юности, когда почти босая я уехала с твоим отцом из родного города. Тогда я всерьез любила его... Я была опустошена, Влада, духовно и физически, когда он появился. И вдруг накатила на меня такая страсть, перед которой не устоять. Вернее, и не хотелось. Если бы все было хорошо с Виктором, я и шагу бы не сделала навстречу тому... Есть у меня еще чувство долга. А при таких обстоятельствах... Кто может меня винить? Убивать беременности не было ни моим, ни его решением, как-то так получалось раз за разом, потому что двое детей для современной семьи – предел... Поначалу я переносила это нормально, ни о чем особенно не задумываясь... Скреблась, стиснув зубы, как настоящая комсомолка. Но с течением времени многое переосмысливаешь. И становится страшно. Хорошо, сейчас я стала бесплодной. Не знаю, как перенесла бы это еще один раз. Наверное, оставила бы ребенка, а тогда конфликты с твоим отцом были бы обеспечены. Ведь он даже к Юре относился всегда прохладно. А это настоящая страсть, Влада. Страсть и нежность, понимание, то, что каждому необходимо, как воздух. Несмотря на все мои недостатки этот человек прикипел ко мне, и я этого отпустить и забыть не в силах. И если ты не поймешь, я переживу».

Говорила она что-то в этом роде, я уже не помню, конечно... Но, думаю, именно это она повторила бы снова. В этих отношениях она пыталась укрыться, развязать свою преждевременную увядающую женственность. Пыталась хлебнуть позднего счастья, настолько ей это опостылело. Я была ошеломлена, но все же не сказала ни слова отцу. Не в моей это натуре. Я не знала, как реагировать на услышанное, и решила, что пусть лучше все идет своим чередом. Я на самом деле не знаю, ушла бы она к любовнику. Может, уже собиралась, уже сказала ему об этом... Теперь я, конечно, понимаю, что так бы было лучше всем. Но она ужасно боялась отца, это было в то время необъяснимо для меня. Теперь я понимаю маму лучше, но все равно не до конца – не такой страшный отец человек. Хотя... кто знает? По-моему, если хочешь исследовать кого-то до конца, надо жить, спать с ним долгие годы, рожать и не рожать от него детей... Да и тогда еще останется неизведанное расстояние, если личность глубокая. Может, отец пригрозил матери расправой над этим человеком. Я правда не знаю. Но факт в том, что мама умерла через несколько месяцев после нашего с ней разговора. Будь я настроена на загадки и необъяснимое, заподозрила бы в этом руку отца, но это абсолютно немыслимо. При всех его грехах на подобное он не способен, в нем все же живет свое своеобразное чувство любви и справедливости.

– Может, он виновен в этом косвенно. Давление на разум, я прекрасно это понимаю.

– Никогда не понимала этого. Если кто-то настолько слаб, чтобы принимать влияние чего угодно, можно винить всех и каждого в его несчастливой судьбе.

Женя посмотрела на Владу с жалостью, граничащей с отвращением.

– А что, лучше никого не винить даже в открытых преступлениях, всю ответственность возложив на потерпевшего?

Влада говорила так, словно не было у нее неопровержимых оговорок на счет волевого выбора и ответственности за собственную судьбу, словно, злясь на мать за ее преждевременный уход, она позволяла это лишь себе. И на самом деле все прекрасно понимала... По крайней мере, так казалось. Не понимала, что понимает... Женю поражало, как те, кто наделен всеми задатками

счастливица, могут порицать тех, кого природа в этом плане наградила не так щедро. Видно, все же есть у Влады что-то глубоко запрятанное, что каким-то образом душит и заставляет постоянно высказываться, при это делая вид, что ей это абсолютно неинтересно, а говорит она лишь из-за необходимости просветить темных. Но не баловень она судьбы с безоблачным прошлым, раз снова и снова поднимает эти темы. Значит, что-то гнетет и тлеет на дне, пытаюсь вырубить это из себя.

– Аборт – это и свобода и проклятие. И только от меня зависит, чем это станет.

– Это ты так думаешь. Порой нам неподвластны даже наши эмоции.

– Мнение слабака.

– А твое – мнение слишком самоуверенного и, по сути, глупого человека, не понимающего дали.

Влада поджала рот, но желание добить Женю превозмогло оскорбление.

– А в отце я все же вижу какую-то слабость, – сокровенно сказала она, чем окончательно сбила Женю с толку.

Женя неодобрительно посмотрела на падчерицу. «Этому я помогать не буду», – вечно говорила Влада и в итоге не помогала никому, ни нуждающимся, ни доходягам. Да кто она такая, чтобы выбирать?! Какое мнение о себе!

– Люди – не засушенные статуи, глупости и ошибки их неперенные спутники. Что акцентировать на этом такое внимание? Да еще и высмеивать, поглядывая свысока? А судить как ты только безупречный может, да мне кажется, к ним ты явно не относишься. Из-за таких как ты эгоистов с завышенными требованиями мир грязнее. Ты думаешь, что ты выше этого, что, может, очищаешь окружающих беспробудной критикой, но поступая как ты поступаешь, засоряешь его еще больше.

– Я никого не сужу. Мне нет до людей никакого дела.

– Наверное, ты действительно веришь в это.

– Мне надоел этот разговор.

Жене нечего было ответить, все уже было произнесено, она медленно переваривала услышанное, раскрыв рот и меряя падчерицу обомлевшим взглядом. Владлена просто вышла из-за стола. Она сама не понимала, что подтолкнуло ее на такое немыслимое откровение, и теперь недоумевала на себя, вновь воспроизводя все сказанное и чувства, рождавшиеся вслед за словами. Она ненавидела Женю за собственноручно сдернутую слабость.

11

– Так надо ей помочь, посочувствовать... – произнес Владимир ошарашенно, пытаясь подавить волнение и садясь рядом на нагретые камни, отдергивая босые ноги от поверхности.

Влада, мечтавшая слиться с природой, разлепила серо-голубые глаза и уставилась на его ступни, мимолетом подумав, что они эстетичны. Вытянуты, как у настоящего аристократа. «С какой стати она заслуживает сочувствия больше меня?» – тайком от себя подумала она и дернулась, когда пришлось сказать ему, где пропадала мачеха. Для Скловской выпрашивающие жалость были отвратительными нытиками. Владимир был согласен лишь в отношении тех, кто, получая помощь, не оборачивал ее во благо и лишь паразитировал на сердечности.

Пахло угасающим летом и водой, тиной, свежестью. Озеро из леса разрезалось дорогой солнца. пляж и праздное времяпрепровождение, накрытый лесом дом не вдалеке парализовывали.

Влада повернулась на спину и показала обнаженные худобой ребра.

– А почему я должна помогать ей? Я что ли виновата во всем?

– А что, помогают только те, кто виноват? Это уже фашизм какой-то.

– А сочувствием не особенно-то добьешься результатов. Пустые слова.

– Ну, тогда выход – вообще ничего не делать и не терзаться совестью, потому что прекрасно все объяснил себе, – иронично и недовольно проговорил Гнеушев.

Влада спокойно посмотрела ввысь, к перевернутому небу, затем ожесточилась.

– Ни с кем не буду никогда! Женщины сумасшедшие, раз позволяют творить с собой такое.

– Но... Каждому живому существу нужно тепло чужого тела, а особенно чужой души.

– Не обобщай. Можно это и заменить чем-нибудь.

«Чем? Спортом? Борьбой за светлое коммунистическое будущее?» Во Владимире мешались чувства и обрывки предложений. Он еще не сформировал своего мнения на данный вопрос, но доводы Влады вопреки традиции не казались верными.

– Мама ведь тоже самое делала... – неожиданно сказала Влада.

Владимир сделал свое дыхание чище и замер, как бы освобождая ей простор для монолога. Он не разбирался в этих женских делах и не знал, что говорить и стоит ли ее утешать, она ведь такая стойкая и непримиримая, ее это покоробит. Жалости к себе не терпит, не пытается вызвать. Он вообще не знал, что кто-то оплакивает своих нерожденных детей, ведь женщины предпочитали молчать об этом постыдном. Но у него захватило дух от ее боли и главным образом оттого, что она поделилась с ним столь личным, сокровенным. А он был нужен ей сейчас, он как никто умел слушать, молчаливо впитывая ее глазами.

Владимир сейчас постепенно воскрешал давно выкинутое из сознания воспоминание, как Влада пришла в их институт, как он впервые увидел ее и поразился, что такие девушки, ломкие, воздушные, с явным преобладанием индивидуальности и отдаленности тоже поступают учиться, да еще вместе с ним, таким увальнем. И по мере того, как раздвигались грани их общения, он все больше тянулся к ней несмотря на всю ее холодноватость, чередующуюся с искренним улыбочивым расположением. Казалось, она живет ни для кого не открытой заполненной смыслом жизнью. Владимир сбивался с толку при виде того, как порой его причастность к ней гасилась каменной стеной, возводимой, когда Владлена явно предпочитала его обществу компании подруг. Тогда, прислонясь к стене, он наблюдал, как они, щебечущие, веселые, бегут куда-то по своим неотложным пустякам, и чувствовал себя заброшенным и неинтересным. По степени предпочтений эта девушка стояла для Владимира на пьедестале, ее обществу он предпочитал компанию кого угодно еще тогда, когда они не были близко знакомы.

Скловский насмеялся над поклонником дочери, иногда почти явно и почти при нем. Но тот в силу неопытности не понимал подспудного, глубоко запрятанного лакированного яда в словах Виктора Васильевича, а Влада с раздражением огрызалась на намеки отца, попутно озлобляясь против юноши из-за того, что он ставит ее в неловкое положение.

– В счастливых семьях дети менее развиты. Великие уроки они получают лишь на словах. Они дерутся, соперничают, потому что для них нет ничего страшнее поломанной игрушки. Даже бедность не пугает. Для детей она не существует. Не так было у нас с братом.

– Дети с забитой матерью обычно более сильны. Потому что именно она проводит с малышом больше времени. Видя ее страдание и подчинение, ребенок волей-неволей протестует, хочет быть сильным и защитить ее. Если же мать – деспот, у людей разрушается воля. Если они не бунтуют, научившись думать... – проговорил Владимир в ответ, а сладкий речной ветер шелестел песком у его золотящихся волос, окунутых наземь.

Каждый думал о своем.

Влада размышляла, что ее мать не была забита. Она просто отошла от мира, от важной суеты, наполняющей существование радостным смыслом, от мелких тяжб, вытесняющих жизнь женщин, и отравляла все вокруг какой-то болезненной, почти вопиющей непримиримостью. Влада не понимала ее за это, но не решалась осуждать. Одну из немногих. Обычно для всех находились нелицеприятные слова, поскольку мало кто в ее глазах имел право называться приличным. А Владимир думал о своей матери, тихой скромной женщине с растрескавшимися от работы руками, и сожалеющая жалость шевельнулась в нем, хоть он нечасто думал о том, как тяжело ей бывает. Мысленно он упрекнул себя, что надо больше думать о ней и больше помогать, и вновь забыл. Он пытался помогать матери, но все как-то не выходило, потому что она по-прежнему ничем не пыталась улучшить свою жизнь. Лишь иногда, заканчивая роптать, она пыталась карабкаться, но ничем эти похвальные начинания не заканчивались.

– Не была она деспотом. Сухая, как корка... Не прикоснуться к ней, как сейчас помню – поранишься. Никогда не говорили по душам. Восхищалась режимом, запрещала хоть что-то перечить. А будто была так счастлива от строя. Ее семья во время революции лишилась всего, хоть и не была из буржуа. Все пришлось начинать с чистого листа, наживать имущество с чашек.

– Каждому свое. Каждый родитель со своими отклонениями, но это не значит, что мы их меньше любим.

Он озвучил эту общую фразу для того, чтобы утешить Владу. Но той, похоже, было все равно. Вечно с ней он боялся попасть впросак!

«Я защищаю мать, она презирает отца... Или обоих? Мать не прощает за слабость, и не хочет ни быть такой, ни потакать слабакам. От этого расхождение? Она не понимает, как можно быть таким, как ее отец, ошестинивается против него. Я своего уважал, а мать жалею... Жаль, не сможет он теперь помочь нам. Каждая семья не только загадка, но и огромная выгребная яма, где отношения между ее членами, взгляды родителей либо формируют преломленное зеркало взглядов детей, либо провоцируют их думать, порождая противоположность из духа противоречия или большей дальнорзости, а может, и все вместе. И за что она презирает Виктора Васильевича? Уважаемый человек...» Так лениво размышлял Владимир. Его мать ничего не дала ему, никакого багажа. Ни нравственного, ни интеллектуального, она лишь билась как рыба об лед, чтобы едва свести концы с концами, чтобы у единственного сына было будущее. Все пришлось домысливать и создавать самому, как и многим в этой новорожденной стране. А жить было легко, потому что верилось в идеалы... Все просто дышало реформами и чистотой, вычищенностью, словно из дома под Новый год выбросили залежалые вещи и протерли пыльные места от них, принеся свет и свежесть.

Вопреки собственным убеждениям Влада строго отзывалась о матери с какой-то собственной ей привлекательной, не кажущейся жестокой непоколебимостью, устойчивостью, все-

ляющей уважение. И в то же время ревностно защищала перед другими. Казалось бы, осмыслив произошедшее, Влада должна была расширить свой взгляд на человеческие страдания, но этого не произошло.

Воистину, непостижимы многогранные девушки – вроде бы и понимала Влада, и говорила что-то верное, мудрое, да все не то... Что-то сквозило в ее словах настораживающее, сухое, чужое... Почти равнодушное ко всем.

12

– Революцию можно не любить, не понимать, убивать и гнობить. Но не уважать втайне, не пасовать перед этой страстной силой... – сказала Владлена вновь навесившему их Юрию. – Не понимаю.

– Такие, как вы, и не поймете.

– Ой-ой-ой! Уж больно ты грозен, как я погляжу.

Впрочем, у Влады не было ни желания, ни времени вновь спорить с братом на эти темы – она наперед знала все его аргументы. А вот Жене это по-прежнему было вновь, и Юрий направился к мачехе. Он с детства видел несправедливость, муки матери и вырос чувствительным к неравенству и ущемлениям.

После разговора с Владой Женья поняла, что пустая никчемная жизнь ей не нужна, а класть себя в могилу рано.

Общий уровень ханжества и скромности благодаря ему в советском мировоззрении парил весьма высоко. Даже поправить чулок нужно было с искусством, это напрямую могло говорить о женском воспитании. Осуждение ее поведения какой-нибудь напыщенной бабулей могло довести комсомолку до слез, и с большой долей вероятности предположения о блуде доходили до учебного заведения и родителей. Считалось, что таким образом девушки сэберегут честь до свадьбы. Возможно, кого-то это действительно спасало от клейма матери-одиночки в бесформенном грязно – сером пальто или искалеченной абортom бездетной несчастливцы. Правда, в браке существовала масса не менее тяжелых испытаний, но о них уже никто не соби-рался заикаться. Ведь замужем – значит устроена, счастлива... А слезы в ванной, холодность от страха бесконечных беременностей и элементарного незнания физиологии не считались веской причиной говорить о них. Тем не менее честь еще считалась драгоценностью, хотя на протяжении жизни устроенной женщины претерпевала такие удары, что, должно быть, кто-то задумывался, не лучше ли спать в холодной постели.

Был неприметный по-осеннему холодный день, они встретились в беседке, о чем никто не знал. Такова была негласная договоренность. Женья прислонилась подбородком к столбу, отведя взгляд в призрачные дали, а, быть может, дни.

Юрий мимоходом вспомнил мать, женщину тихую, незаметную, сухую и безразличную. Заботилась она всегда о чем-то одном, причем ревностно. А других бед словно и не существовало вовсе. Юру неизменно поражало это ее свойство сводить все к мелочности, ненужности ее усилий и стараний.

– К сожалению, отпрыски Скловских умны и все прекрасно видят, – говорил он Жене. – В глупых же семьях дети просто живут по шаблону, протоптанному родителями.

Женья не отвечала. Она задумчиво глядела куда-то вдаль, и он не мог понять, чем вызвано такое поведение. Она же начинала бороться с поднимающимся откуда-то извне, против ее воли знакомым чувством. При всем ее расположении к мужу было оно окрашено по-иному. Вырас-тала, бралась откуда-то эта непозволительная нежность и до больницы, чем неимоверно пугала, и Женья избегала встречаться с Юрием, который так будоражил ее. К счастью, появлялся дома у родителя он нечасто. Его ждали дела важнее.

К Жене он не переставал относиться как-то отстраненно – уважительно, едва ли не лас-ково, чем не способствовал ее попыткам отгородиться от него. Подобное поведение характе-ризовало Юрия с самой лучшей стороны, и Женья поневоле все думала и думала о нем, находя в этом отдушину от отяжелевших теперь отношений с Скловским. Юрины прошлые непонят-ные, не очень красивые поступки по отношению к ней были как-то затерты в глубинах памяти. Прежде это было вопиюще, теперь то, как она выглядит в браке, не волновало Женью. И неза-пятнанность не была необходимым условием.

– Я другая уже, Юра... – скоро проговорила Женя, раз настало для них время не слышащих откровений и воскрешения застарелого понимания. Они были друзьями когда-то, не так давно, просто так этого не отнять даже сквозь обиду и брошенность. – Из-за Виктора ли, из-за времени, кто знает... С каждым новым человеком начинается словно иной отрезок жизни, и ты становишься чуть другим. Как уловить эту тонкую грань? Когда ты меняешься, остаешься ли тем же человеком? Я не могу ответить на этот вопрос. Некоторые воспоминания и чувства хоронишь или откладываешь в дальний сундук сознания, становишься невольно похож на него. А с человеком, который до конца откровенен... быть может, даже этой откровенностью он лепит тебя чуть другого, чуть нового. Изменчивого, изменяющегося... откровенность эта открытость и создает. Не боишься высказаться, но порой увлекаешь сама себя и заходишь в дебри, в которые сама не очень веришь. А вот человек рядом верит, и ты можешь заплутать, запутаться. Порой через год оглядываешься на себя и замечаешь со страхом, недоумением – не тот ты уже человек, настолько смотришь, разбираешь события по-иному. Лишь оболочка и воспоминания остаются. Это непостижимо, дико. Но я так чувствую. Непрерывная эволюция духа даже в течение одной жизни такое может подсунуть...

– Бог ты мой, Женя! Когда ты успела стать философом, да еще таким разочарованным в жизни?

– Разве я была глупа? – обиженно отозвалась Женя.

– Нисколько.

– Когда успела? Может, когда оборвались первые дорогие мне отношения с человеком.

Юрий мягко оборвал ее.

– Может, хватит уже массировать мой уход? Ты знала, что иначе нельзя, – не без легкого укола совести он допустил театральный вопрос в стиле: «Разве ты не знаешь, как велика моя миссия, так не отвлекай меня от помощи всему сущему».

– Ты просто мужчина, а я всего лишь женщина. Больше здесь не о чем говорить. Ты олицетворяешь чисто мужское, а я чисто женское. А должно ведь быть чисто человеческое!

Юрий казался ей достойнейшим... Каким-то непойманным, не поддающимся общей оценке, непостижимым.

– Любят только власть, которую недостаточно знают, – продолжала Женя текущий диалог, не требующий пояснений и переходов. – Или какую-то эфемерную, заочную.

– И это говорит мне девушка с малахитом в ушах.

– Почему ты постоянно комментируешь мое поведение?

– Потому что я восхищен. Разве не так обычно происходит?

– Порой критикуют от злости...

– Раз критикуют, все равно небезразличны.

Женя улыбнулась, но промолчала.

– Тебе никогда не казалось, – сказала она после паузы, что жизнь – бесконечная череда неверно принятых решений? Самое страшное в ней-быть ведомым. Это жестокая игра вслепую. Ты не знаешь, чем обернется твое действие для будущего поколения. Не знаешь, прав ли ты, то ли думаешь, или все это ерунда... Хотя, быть может, это и есть смысл жизни – просто пройти этот путь и потом поразмыслить над ошибками.

– Как глубоко, сударыня, – восхищенно и одобрительно Юрий отвесил мачехе поклон. – Но, думаю, вы преувеличиваете значение каких-то мелочей в человеческой жизни. Не думаю, что какая-то шпилька от волос может повлиять на поколение. Все равно будет так как должно, природа найдет путь восстановить и сделать по-своему.

– Мне просто страшно, что я все порчу. Я не хочу быть в этом капкане, хочу, чтобы кто-то подсказал, чтобы все было верно и хорошо...

– И я тоже.

13

Отец любил Владу как-то малословно, по волчьи, порой это вовсе не чувствовалось. Но окружающие интуитивно понимали, что это единственное существо, к которому он испытывает какую-то склонность. Выражалось ли это в полу взглядах, движениях ресниц, поворотах головы, малейших мимических движениях. В том, что почти всегда он становился на ее сторону в семейных распрях. В детстве они были дружны, но все, как часто бывает, разрушило время и взросление.

Женщины не были ему соперницами. С ними было легче – от них он не ждал чего-то великого. И, соответственно, подвоха. С Владой можно было проявлять ту крупницу нежности, которая в нем еще осталась, потому что он помнил ее крошкой, которая ничего от него не требовала и ни в чем не упрекала.

В общем и целом, Владлену не интересовали политика и занятия отца, но она не могла лишиться себя роскоши мелких высказываний. Ведь у нее на все было заготовлено мнение, иначе могли подумать, что она недостаточно сведуща. Если же Владлена совсем не разбиралась в предмете обсуждения, не теряя достоинства, она давала это понять. Она оправдывала и могла объяснить любое свое действие и суждение. Она была довольна своей комсомольской юностью, как и любой человек, выросший спокойно и естественно. Хоть и не могла не заметить недостатки действующей власти... которые имеет любая власть за исключением идеализированной мечты. Владлена не позволяла себе в открытую критиковать правящий аппарат, за что косилась на Юрия. Опять же, не высказывая своего недовольства братом. Лишь к месту, лишь при удобном случае, чтобы выглядеть особенно элегантно. Она позволяла это себе лишь с людьми, которые не могли ответить грубостью. Но если и происходили стычки, и из них она выходила победителем.

«Странные у них отношения», – думала тем временем Женя, безрадостно глядящая на кружевные салфетки на полированном деревянном столе.

Ей самой казалось, что худшее осталось по ту сторону паромы, что главная боль прошла, и теперь стало легче. Женя по-прежнему стала улыбаться и трогательно шутить, пугаясь эффекта от своих слов. Странно было, что жизнь течет по-прежнему, будто ничего и не случилось. Если кто-то начинал смеяться, она вторила, чем вызвала облегчение всех домашних, даже Влады, и та старалась быть с мачехой дружелюбнее, вынимая из сердца засыхающую способность сострадать. Втайне она думала, что если ей пришлось несладко, если она нашла в себе силы перепорхнуть несчастливое влияние семьи и закрыться от этого, почему все остальные не могут поступить так же? Почему она учится бороться и закрывать глаза, когда больно, а остальные просто ищут жалости, ничего не делая? Владлену возмущало такое поведение.

Что же касается Юрия, к нему отец всегда был подчеркнуто строг. Женя не хотела вмешиваться в происходящий в кабинете мужа диалог с сыном, но поневоле слышала его часть из-за плохо прикрытой двери.

– Слова упрека легко кричать, Василий. Но если этим дело и ограничивается, грош вам цена. Бунт сам по себе смешон, нужно идти дальше, освобождаясь от всего.

– Можно подумать, такие консерваторы, как вы, способны понять! Твое поколение само не поняло, как из бунтарей превратилось в консерваторов.

– Это участь всех. Потому что консерватизм в твоем контексте – здравый смысл и взросление. А ты, как тебе и тебе подобным щенкам свойственно, можешь только кричать о вреде всего старого, не понимая, что это отлаженная логичная система, где все взаимодействует со всем. А ты попробуй построить что-то свое – хватит ли мозгов? Мы вот смогли. Так, прежде чем кричать что-то о том, как мы не правы, потрудись хотя бы что-то сделать самому без помощи папеньки.

– Я и делаю!

– Ну и кто на самом деле лицемер? – миролюбиво и почти нежно, наивно, как ребенок, спросил Скловский.

Юра ощутил давнее отчаянное бессилие против подобного рода выпадов отца. Непонятно, чем был вызван последний довод, но цели он достиг. Выпады были страшны тем, что происходили у Скловского не от желания развлечься, развеселить сына, даже не от скрытой ненависти, а от безразличия и твердой убежденности, что вся жизнь того не стоит выеденного яйца. Сколько лет сын боролся с этим, представляя себя выросшим, сильным! И все на смарку... Юрию вдруг отчаянно захотелось сдаться и по возможности залезть под крыло отца. Если пустит. Приходилось ведь признавать, что Виктор много сделал для него, и быть благодарным.

– У нас разрушен дом, а мы давим клопов, как при любом переустройстве. Первым делом размывается вдребезги быт, заодно отлаживают идеологию, забывая о хлебе. Чтобы верили, – вновь послышался натужный голос Юрия. Скловский насмешливо молчал, глядя на свое детище.

Юрий, взъерошенный и недовольный, вырвался из комнаты. «Зря я вообще приехал!» – пробурчал он себе под нос с расчетом, что это станет слышно отцу. Тот невозмутимо сунулся в подписи и бумаги.

– Ты живешь в домах, которые построили коммунисты, – бросил он в пустую дверь.

– Я живу в домах, которые построили люди!

«Забавный мальчик, – подумал Скловский. – Думает, что чем-то отличается от революционеров прошлого, которых ненавидит. Хотя и правда отличается – у нас был стержень и время на нашей стороне».

14

С реки тянуло теплым колышущимся ветром, обдающим потребностью вскочить и скрыться за заборами, за ветвями деревьев и материнским солнечным сверканием. Женя вспоминала утонченного мальчика, греющего ее первой уязвимой любовью. Пронзительное трогательное чувство у него, по всей видимости, стерлось. Тогда, как в полусне, она еще не понимала этого, не в силах была по неопытности и доверчивости сопоставить факты. Зачем продолжал он трепать их обоих, возрождая давние иллюзии? И даже не хотел признаться, по каким причинам идет на это. Раньше ей казалось, что Юрий действительно сильно влюблен, теперь уже это не имело для Жени значения. Слишком это было низко, как-то недостойно. Был ведь Скловский... Да и кто она, чтобы судить о скрытом в глубине человеческих душ? Слишком сосредотачивалась неустойчивыми думами на теперь, сейчас, пыталась зацепиться и не сойти с ума от боли и неспособности ликовать, черпать жизнь.

Рассудок, конечно, хорош и нужен. Но не когда перечеркивает все, даже милые неповиновения удобству. Женя убегала от образа Юрия, но не сама ли сделала свои крамольные мысли верными, вершинными? Можно было просто обойти их стороной. Почему же она не могла? Это было подспорьем, светлым пятном. Не хотелось отказываться от сильных чувств, которые будоражили и оставляли на поверхности. Если бы ее союз с мужем был каноническим, эти чувства, возможно, и вовсе бы не возникли. «Все должно быть в совокупности – рассудок, чувство. Одно, не подкрепленное другим, – выверт», – думала Женя, наблюдая за улицей из окон своей усыпальницы.

Затем за ней в отсутствие отца зашел Юрий, устроившийся в котельной неподалеку. Он продолжал свои сомнительные предприятия, но Женя знала об этом мало – такой налет тайны и значительности поддерживался Юрием. Единственная функция младшего Скловского состояла в охране строения от посягательств. Скловские еще не перебрались в Москву на сезон заморозков окончательно, и Женя бездействовала. Она начинала жалеть, что после замужества ушла с третьего курса Горного института. О чем только думала? Учеба ей не нравилась, Женя готова была найти предлог, чтобы сбежать от вечных вставаний спозаранку и вызывающих волнение экзаменов, но теперь начинала понимать, что веселье первых дней замужества завершилось, и дальше будет только скучнее. Друзей растеряла, учебу забросила, думая, что главный человек в жизни найден, и все время, все силы нужно сосредоточить на нем одном. Оставались только книги и те немногие, общение с кем еще было достижимым.

– Советское все какое-то неизящное, смешное по сравнению с западным нашего же времени! Даже игрушки у детей из грубых не цветных материалов. Каких-то грязно-коричневых и зеленых, – говорил Юрий, а Женя с интересом слушала никем ранее не приоткрываемые завесы.

В самом начале пути они прошли мимо сборища крикливых крестьян, орущих какие-то непристойности и дико гогочущих над ними.

– Просто стадо... – сказал Юра с непонятной смесью жалости и отвращения. – И эти будут бороться? Смешно...

Женя озадаченно посмотрела на него.

– Но ведь такие же поднялись на революцию...

– Их раскачивали больше полувека. Да и раз на раз не приходится.

– Этих людей нельзя, невозможно критиковать за то, что они так ведут себя, живут по шаблону... Ведь никто никогда не говорил им, что так неверно, они просто не имели возможности понять, что в чем-то неправы. Не виноваты же они в том, что их так воспитали.

– Так есть же правила морали, – бесстрастно произнес Юра.

«Как ты похож на сестру. А ведь и не скажешь...»

– А если тебя бы с детства воспитывали так, что плохое было бы хорошим, и наоборот? Неужели ты своим умом дошел бы до того, что это вранье? Тебя кто-то должен был бы разбудить. Ты хочешь от окружающих невозможного – чтобы они бунтовали, но как, скажи на милость, они будут это делать? Они ведь заперты в этой коробке, и нет даже никого, кто образумит их, нет книг, все неуютное запрещается... То же самое крепостное право, только тогда оно было от безденежья, непосильной работы и отсутствия образования, а теперь намеренно контролируется. Не все ведь имеют твоё воспитание и твои возможности! Усвоить это – значит сократить поток несправедливости и бесчувствия по отношению к людям на немыслимый процент.

– Но я-то понял! И они должны были в конце концов...

– Не все обладают твоими возможностями, – натужно-терпеливо отозвалась Женя. – Пойми же это и перестань судить! Тебе больше повезло, но не все же знают тебя или таких, как ты, пророков... – сказала ли она это с иронией, он не понял. – Почему доброта так часто интерпретируется как идиотизм и слабость, если только она и мудра?!

– Общественное мнение, зашлакованность мозга... Это страшно, поистине страшно!

– Пожалуй...

– Посуди сама – чертовы пуритане! Ратовали за развал семьи, а теперь осуждают даже блуд! Лучше бы продолжали расплавляться и сыпать якобы оригинальными идеями в бомонде. Декадентство – пир во время чумы и пресыщенная пена изо рта. Хотя, в отличие от запада, у нас это – нувориши и необразованная мерзость! Не то что в былые времена. Распушенность – это понимание, что где-то есть участь лучше, чем навязывает религия или моральный облик советского гражданина. И там, и там одно мракобесие. Вот они и бесятся над блудом.

– Ты столько времени говорил о своем деле и, невзирая, что я считала его опасным и не праведным, мутным, я уважала тебя, тот блестящий образ, что ты создал сам о себе. За приверженность идее... И что вышло? Первым делом, приехав повидаться с родными, быть может, в последний раз, ты напрочь забываешь о призвании и занимаешься лишь тем, что бездельничаешь, споришь с отцом и улыбаешься мне... Где твой героизм, где аскетизм во имя дела, которым ты так козырял? И я пошла у тебя на поводу тогда... С болью думала о том, что ты не сможешь быть рядом, у тебя миссия важнее. От твоего романтического образа борца с властью мало что осталось. Вообще глупо в таких вопросах поддерживать один из концов палки. А, быть может, просто я повзрослела и слегка заглянула через завесу, меня укрывавшую. Да неужели таковы все вы? Больны, воинственны... Наверное, почти все вы испытываете скрытую потребность реализовывать какие-то свои страхи и ущемления. Хотя, быть может, это двигает человечество. Может ли вообще быть чистый борец, никому ничего не доказывающий, не больной душевно или телесно, не ищущий выгоду любования перед самим собой? Обычно те, кто слишком много говорит, как раз ничего и не делают. Сколько было в мире великих ораторов, добившихся успеха? А сколько никчемных болтунов?

Жене было горько и страшно говорить эти слова. Но, проломив плотину, она не могла уже залатать ее и говорила, говорила. Юрий что-то оспаривал, препирался, но она была уже в каком-то помрачении, не слышала опровержения и его вздымающегося по мере возрастания обвинений тона.

– Женя, ты несправедлива! – ответил ее спутник, приоткрывая рот. – Что же я сделал тебе плохого, чтобы ты лепила из меня такого мерзавца? Ты преувеличиваешь... Никто еще мне не говорил таких вещей, понимаешь? Они боятся нас, недаром на противоборцев объявлена травля. Во имя старой дружбы я забуду это, но, заклинаю, не продолжай.

– Да, ты прав, нашло что-то... Прости. Не сердись, – Женя безоружно и тепло, как умела только она, улыбнулась и пожала Юрию руку. Ей стало безмерно стыдно этой внезапной невесты откуда взявшейся вспышки против человека, раскрашивающего ее дни.

15

И вдруг Женя испугалась силы нахлынувшего, волю словно парализовало. Быть может, это все была экзальтация, и через мгновение отпустило бы... Да и не походило ее влечение к сыну собственного мужа на настоящую любовь, о которой она знала лишь понаслышке, и это ранило. Но Женя уже шагала к котельной, запеленав себя в длинную шаль, спадающую почти до обрубленных каблучков. Сентябрьские вечера прохладны.

Женя стремилась к полузаброшенной котельной с заросшими окнами, в которой, охраняя ее, жил Юра и творил что-то запретное и живо притягательное, как всегда бывает с подобного рода делами. Простая просторная комната с грязными от старости занавесками была ему прибежищем.

Юрий, не ожидавший гостей, лишь сраженно огляделся и впустил посетительницу. Женя подошла к нему сзади, он удивленно и тепло улыбнулся. Комната была нагрета, но она не могла дышать не от духоты помещения, а от жара его тела. Полусонная комната, обласканная светом, выбивающим стекла юго-западных окон. Казалось, вся красота и сущность мира сосредоточились в окне, выходящем на редко посещаемые, укутанные паутиной и увядшими цветами, пылью с дорог и пометом птиц безмерные поля. Женя чувствовала, как растворяется в природе, уплывает в далекие миры, познает высшую суть.

– Что стало с той веселой девушкой, которую я знал так хорошо?

Взгляд, заливающий все, чего касался, устремился к Юрию.

– Она вышла замуж.

Как всегда после емких фраз, вмещающих больше, чем можно было понять сразу, наступило молчание.

– Я была просто девочкой – школьницей с белым воротником. Мне было не нужно влияние. Так что не смей упрекать меня! – сказала Женя в ответ на мнение, которое, она была убеждена, составил о ней Юрий из-за женитьбы его отца на ней.

– Но все равно ты стала этой снежной королевой, способной испепелить одним взглядом. Снежной королевой, которая одним движением брови преображается в зазывную вертушку, а потом вдруг становится интеллектуальной собеседницей, недостижимой, возвышенной, почти Полиной Виардо для Тургенева. Я понимаю, как мужчины относятся к таким женщинам. Они почти божественны. Я думал, поздно – уйдет, забылось, припорошилось... выгорело у нас. Ошибся... – сказал он и с надеждой взглянул на маму.

Женя удивленно подняла на него глаза. Она вовсе не думала, что производит такое впечатление.

– Мужчины обычно восхищаются такими женщинами чаще всего на расстоянии, но никто не понимает, что становимся мы такими отнюдь не от счастья. И какую порой цену мы платим за женственность, за право пленять... – ответила она его представлению о себе, хотя и не была с ним согласна.

– Любите вы наводить туману, чтобы вас жалели, – сказал он неуверенно. Кое-что в ее словах разбередило застарелую мысль, что вещи отнюдь не всегда такие, какими кажутся.

– Не строй из меня роковую женщину. Я прекрасно знаю, какое впечатление произвожу, что обо мне думают. И отчасти мне это нравится... В душе же я несколько не уверена в себе, порой сами мои движения приводят меня в отчаяние своим неряшеством, скованностью... И я цепенею.

Женя вспомнила прошедшие события, недавние, но казавшиеся уже недостижимыми своими абсурдностью и уродством. Солнце размягчило, обогрело темные исстрадавшиеся по его льдистым лучам в тени листья. Тревожный новорожденный свет отскакивал от удивленно опаленных огнем стекол.

– Что может быть ужаснее, чем один на один остаться с человеком, который не греет и почти только отталкивает, терпеть все это... Все равно что смотреть спектакль и поначалу радоваться, что понарошку это. А потом оказаться в нем без возможности сбежать... Это страшно. Не верится, что именно с тобой это происходит. Все, что я чувствовала к Скловскому, было лишь отражением чувств к тебе, – сказала Женя не очень уверенно. – А, может, еще немного благоговения и страха. И ты еще упрекаешь меня.

Юрий обомлел, испытав дежавю – так это было похоже на то, что олицетворяла мать. Но как такое может быть, все люди разные, и отношения двух неповторимы? Страхнув неподвижность, он скривился.

– Значит, в тебе это все равно сидело. И не говори, что так уж тебе противно с отцом.

– Нет. Не так уж и противно.

– И я ненавижу тебя за это, ненавижу себя.

– Нечего ненавидеть. Честность работает не всегда. И не все ее заслуживают. Ты сам говорил...

– Я знаю, что говорил, но...

– Ты смешон сейчас, – сказала Женя грубо, морщась и в то же время жалостливо смотря на него.

Нежность отнюдь не мешала ей быть прямой. Ему нужно было избавиться от своих иллюзий.

– А если бы все пошло иначе, во мне бы сейчас выросло сидящее материнство, и я, раздобревшая, воспитывала бы ребенка? В нас может сидеть кто угодно, и прорастает лишь в зависимости от обстоятельств. Обстоятельства – истинный бог. Не знаю, случайные ли, подстроенные, но изменить, хлестнуть в неожиданном направлении, да так, что себе поразишься через лет времени, могут...

Ее никогда не учили, что любовь важна. Женя не могла помнить гражданскую войну, та не отразилась в ее душе, ведь она была младенцем тогда. Видны оказались лишь изменения жизни после нее, а не сами хрустящие побоища. Любовь считалась чем-то вроде бесполезной, едва ли не постыдной выдумки, наследием разбитого, растерзанного века великой культуры оказалось утрачено для ее поколения. Важнее была польза для общества, идея. Попробуйте быть счастливыми идеями, не будучи фанатиком... И как все это общество охотно летит к черту, даже собственная честь, муж, в сравнении с этими мгновениями. Неужели она настолько лицемерна, что будет мучиться совестью, памятуя обо всем, что Скловский сделал? Даже не спросил ее, каково ей теперь, когда опасность жизни миновала... Женя устала утаивать и давить ярость. Ей хотелось кричать на него, расцарапать лицо, порвать рубашку и разбить вазу о его голову. Но она не смела... Такое могли творить сильные героини, амазонки, но не она.

Навсегда раненная изнутри, невидимо для окружающих, надломленная, кровоточащая птица, она отдалась зову крови. Потасенное пронизанное облаками солнце, потонув будто в перевернутом океане, обдающем бризом, легло. Везде было сухо, но почему-то навязчиво чувствовалась и возникала в памяти вожденная близость моря.

– А ты в чем-то права.

– Любой человек может быть прав только в чем-то, с оговорками. Никто никогда не бывает прав абсолютно.

Очень глубоко в душе Женя понимала вопреки убеждениям, опыту и здравому смыслу, что ничего хорошего из ее отношений с Юрой не выйдет, и почти соглашалась с возможными доводами окружения. С доводами, которые высказало бы окружение, будь она достаточно глупа, чтобы с кем-то поделиться; которые всегда появляются, если люди намерены хоть на йоту отойти от шаблонов, светящихся в головах у серости. О нет, все они были замкнуты в своих мирах, воззрениях и амбициях. Происходящее не имело всепоглощающего смысла,

когда шел непрерывный внутренний прогресс. Каким-то чутьем Женя знала, но это мало утешало.

Она оказалась перед выбором, в трясине которого завязали миллионы женщин до и после нее. Замкнутые в круг чувства, не подкрепленные благополучием, слишком быстро остывают; благополучие же без чувств, будоражащих жизнь, пресыщает и навеивает такую тоску, какую не знаешь даже поздней осенью, когда серую землю не запеленал еще пух снега.

Вид у Жени из трагично-размеренного, лиричного, легкого, перерос в такой, словно она не будет сопротивляться, подойди Юрий ближе, а станет только смеяться и трясти завитыми волосами на висках. Быть может, не любовь это, люди так часто принимают за нее неведомо что. Ее безрассудство сменилось закономерным: «А что дальше?», но Юра, забыв себя и окрыленный вольным поведением мачехи, не обратил внимания на протестующие возгласы, они только раздражили его манию добраться до желаемого как можно скорее. Быть может, другая женщина остудила его порыв и привела в чувство, но Женя слишком привыкла подчиняться и страдать, не допуская и мысли, что способна дать отпор. На попятную после кокетства, как это любят бессердечные особы, самоутверждающиеся таким образом, пойти было нехорошо. И Женя готова была принять то, о чем оба судорожно думали, так же безропотно, как прежние отношения подобного рода. К чему это все, зачем нормы и ограничения, если на свете все равно существует такая несправедливость и такая боль?! Быть может, хоть с этим таинственным юношей удастся хлебнуть счастья... Вечная надежда обделенных женщин.

В обращенном на нее взгляде было столько страсти, призыва и игривости, что Женя невольно улыбнулась, не представляя, оскорбиться или польститься. Разнузданная страсть ей претила – она видела в этом признаки порока, который возмущал ее нечистоплотностью. Странное дело – со времен своей бесплодной беременности она стала более нетерпима к порокам других.

– Мужчины ищут хороших жен, а получают плохих любовниц, – сказал Юрию Скловскому отец как бы между прочим, со всегдашним своим непроницаемо – насупленным видом, когда дело касалось домашних.

Это разозлило сына. Как мерзко обсуждать подобное, выдавать это в виде шутки! Почему он вспомнил это именно сейчас? Не своего ли рода мстью и самоутверждением перед ним была эта Женя, стоящая возле него у окна с наполовину безумным видом?

– Как ты могла продаться ему за деньги? – неожиданно спросил Юра.

И все волшебство запретного, волнение, стенания и угрызения совести мигом улетучились, оставив Женю обнаженной перед необходимостью обороняться. Отвратительной жестокой необходимостью, от которой скручивало желудок. Ее пырнула мысль, что Юра никогда и близко не стоял к тому, чтобы понять, что творилось у нее в душе. Ввиду природной мягкости она ненавидела спорить. Тогда ее мнение подвергалось набегам и посягательствам, и Женя, хоть и понимала, что не примет аргументов соперника, съеживалась от горького сознания, что не все думают, как она. В этом было нечто ранящее.

– С милым рай и в шалаше – если семья не в лохмотьях. Женщины должны быть расчетливыми и меркантильными, думать, что будет завтра, мы о детях заботимся, – начала она как бы оправдываясь, сдерживая истинное отношение к подобного рода заявлениям. – Не только о себе, это в природе нашей, если хочешь! И как вы смеете осуждать нас за это, осуждать тех, в чьей шкуре вы не бывали?! Лучше заглохните навсегда, чтобы не показывать свое убожество. Ни на грош в вас духовной развитости...

Женя говорила, и голос ее креп. Непривычная ярость окрашивала щеки.

– Но я не это имел ввиду...

– Тогда я про тех, кто именно так и думает, а таких немало. А мне моя материальная обеспеченность ничего не дала, так что я вопреки своим словам готова хоть сейчас на то, что посодействует, лишь бы восстановить душевное равновесие. Я не просто оправдываюсь – могу

и хочу работать, только вот Виктор этого не хочет... «Все равно не пустил бы на геолога... На Урал, в Сибирь, не смей», – сказал он мне и молчаливо дал понять, что бросить учебу будет верным решением. Тогда мы больше времени станем проводить вместе, его после работы всегда будет ждать разодетая жена с ужином... «Зато сильный мужик – как сказал, так и получилось», – заявил он мне, когда я пожаловалась на одиночество. Я сама загнала себя в капкан...

Женя невольно подумала, что сильному не надо так явно обнажать свое влияние на нее. И можно поступиться самолюбием ради того, что ей необходимо. Может, за силу она принимала и упрямство, и настроенность характера. «Истинная сила, благородство не бросаются в глаза, лишены фанфаронства. А стучать кулаком по столу – лишь уступка невоспитанности и распушенности».

Юра, чтобы успокоить ее, приблизился к собеседнице и попытался обнять ее. Но та, поднимаясь обидой и яростью, вырвалась.

– Я же жена твоего отца, это грязно! – крикнула Женя остервенело.

– Но счастье – главное в жизни! Какой толк в угоду упущениям, страхам и морали рушить его и делать всех несчастными?

Женя замерла, потрясенная.

– И это мне говоришь ты? Ты, который сам отказался от меня в угоду непонятно каких идей?! И теперь ты смеешь что-то об этом заявлять мне?! Это есть твоя мораль?.. Можно ли ее вообще звать этим высоким понятием?

Женя задыхалась от такой неслыханной несправедливости. Как ни ненавидела она скандалить, против такого грубого беспардонного лицемерия это было единственной защитой.

– Я ведь... Это иное, борьба.

– Если уж так судить, все перед чувствами и счастьем должны быть равны, и нет здесь оправдывающих обстоятельств. А то, как ты делишь на грешных и безгрешных... На себя, по горло занятого и героического, и меня, мелкую сошку...

– Женя, будь благоразумна! Разве я...

Женя сокрушенно покачала головой, не ответив. Затем, чуть отдышавшись, заговорила вновь.

– Да, это так. Счастье действительно превышает всего, по большей части именно оно оправдывает наше пребывание здесь... Но, разве можно, нарушая честь, топча гордость, достичь его? Разве не будет тебя грызть сожаление, угрызения совести и призрак упущенных возможностей? Думаю, это странно слышать от меня, зная, что случилось. Никогда не стану матерью, хотя и не мыслю своей жизни без детей. Да, это звучит в моих устах странно и даже лицемерно, но, поверь, я знаю, о чем говорю. И я изменилась с тех пор. Это сложная материя, и держать все в гармонии стоит колоссальных усилий, поэтому браки и распадаются. Колоссальных усилий стоит пытаться поступать правильно, просчитывать ситуации, последствия... Кто застрахован от ошибок? Вы с сестрой считаете, что я должна уйти, но как, если он муж мне? Если всю жизнь мне твердили, что брак священен?

– Ты словно из девятнадцатого века с их трухлявыми традициями.

– Их ханжество, конечно, ничем хорошим не обернулось. Но чем лучше были первые годы революции с этими призывами: «Комсомолка, помоги комсомольцу!» Сколько женщин после такой активной жизни остались бездетными, а то и умирали?! Это были две крайности. Странное существо человек – мудрость ему не подспорье, он все хочет на своем горбу протянуть. О счастье и о том, что нужно идти за ним, ты говоришь то же, что и соблазняющий девушку мужчина, который затем оставляет ее в положении. Весьма удобная позиция, чисто мужская. Твоя сестра непременно сказала бы на это, что нужно своей головой думать. Но не все так ослепляюще умны и безгрешны, как ваша семья. Вы так странно поддерживаете друг друга и сплетаетесь в лицемерии и ограниченности, которых сами не замечаете, считая себя моральными развитыми существами...

Женя поджала рот и вышла из комнаты. Юра со вздохом оперся локтями о подоконник и покачал головой. С Женей спорить не хотелось – страшно было ее обидеть.

«Что проку, что я, как дура последняя, боль пытаюсь унять переходом из огня да в полымя, было бы истинное чувство, подспорье, поддержка, оправдалась бы, так нет же... Его мир ему важнее. Я лишь приложение, приманка, идиотский каприз, который он должен унять, чтобы поступить как в прошлый раз. Что строится за всеми «делами на благо народа» кроме эгоизма? Те, кто правда помогают, не кричат об этом». Юра больше не был нужен... И мараť представления о себе, свою разодранную гордость во имя пустоты не было смысла. Люби она его – это была бы жертва во имя счастья, и отстаивать свою гордость и самобытность, защищать невыносимую клетку, где было трудно дышать, было бы глупее, чем жить в гармонии. Но гордость в Жене непокорно кровоточила и бунтовала, поднимая голову. Бунтовала тем сильнее, чем сильнее было раннее преступление против нее. Муки совести об измене мужу и даже ужас перед тем, что так нехорошо, уже не играли здесь основополагающей роли. Безбрежно одинокая ее фигура долго виднелась на поверхности сада.

«Сначала-то да, обоим хорошо, эйфория и патока, – размышляла Женя. – Как-то само собой разумеется. А потом женщина должна расплачиваться больше и терпеть эту несправедливость. И как ни в чем не бывало жить дальше. Не роптать и любить того же человека... Который согласен, что подобное необходимо, который молча стоит и смотрит вместо того чтобы помочь. Потому что ему так удобно. Законы общества! Общепринято... нормально. За инфантилизм всегда следует расплата. А что еще ждет, когда идешь против желаний, против пусть и слабой, но воли?»

Небо в крапинку покрывалось облаками, похожими на скисшие хлопья молока. Солнце умывало облака, они в ответ паутиной застилали его. Растертые, растушеванные по текстуре небосвода комья шелковой вуалью багровели перед сумерками. Помятые в беге голубого воздуха, окаймленные золотой коркой.

Юрий скрылся, исчез за линией горизонта, там, где солнце касается земли перед ежевечерним обрядом расставания. И оставил воспоминания, терзавшие ее бессонницей. Она разрубила их союз раньше, чем они посмели познать настоящую трагедию, разве не правильно убить то, что с самого начала внушает опасения и на интуитивном уровне одурманивает предрешенным несчастьем? Юрий ясно показал ей, как вредны бывают принципы, если сметаю человеческое счастье во имя фикции.

Нелепо пугающим пятном расплывались в сознании наставшей ночи резкие звуки, когда Женя опомнилась и вернулась домой. От шумного спокойствия темноты что-то зажималось внутри. Не чувствовалось облегчения, напротив, она словно парализовывала своей красотой.

У нее хватило ума вовремя уйти, иначе непременно случилась бы драма. Не все ли драмы приключаются оттого, что человек намеренно не делает как лучше, идет на поводу у существа, которое не способно протянуть счастье, надеется на недостижимое вопреки предчувствиям? Не способен трезво оценить ситуацию и попытаться выпутаться из нее? Женя не хотела ползти за ним всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.